ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

25-го июня 1929 г. — 38 — 25-го червня 1929 р.

ПРАГА — PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ — РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

М. Битинський

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *П. Крюков:* *** Стихи.
2. *С. Савицький:* *** Стихи.
3. *М. Б. Нарбеков:* В Париже.
4. *Алексей Персидсков:* *** Стихи.
5. *Людмила Костина:* Сказка. Стихи.
6. *Владимир Поляков:* *** Стихи.
7. *Николай Букин:* *** Стихи.

8. Победа Сталина.
9. *И. Б.:* Н. С. Рябовол.
10. *Шамба Балинов:* О судьбах Казачества.
11. *Т. Игнатович:* Казачество и горский вопрос.
12. *Ис. Быкадоров:* Происхождение казачьих фамилий.
13. *В. П. Елисеев (В. Петров):* Песни и песенки.
14. *Дон-Араши:* Наши песни нашим детям.
15. *П. Нос:* Случайные встречи и разговоры.
16. Думы и мысли.
17. Международная жизнь.
18. Казачья эмиграция.
19. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Братислава. — И. Б. — Получено. Привет!

Париж. — Дан... — Получено. Привет.

Болгария. — Ш. — Получено. Спасибо. Привет всем!

Белград. — Б. К. — Получено. Ответ будет. Привет!

Франция. — С. М. — „Банк..." получен. Пойдет. Привет!

Румыния. — В. П. — Получено. Хорошо. Привет.

София. — П. Н. — Получено. Привет!

Албания. — К. — Получено. Привет!

Бельгія — А. — „Зносини"... одержані. Підуть. Про инше — в окремому листі. Вітаємо!

Бразилія. — С. С. — Надішліть нам про життя і працю козачої еміграції в Бразилії, а коли можно, так і с фотографіями. Вітаємо.

Дальний Восток „Вестник" получен.

Франция. — П. К. — Материал получен. Привет!

Польша. — В. Е. — Получено. Привет!

София. — П. С. — Получено. Присылайте еще. Привет!

Париж. — Е. — Послано.

Франция. — Вахм. Пр-свет. — Сообщите свой адрес.

Париж. — Нар. — Получено. Привет!

Франция. — И. С. — Получено то и другое. Большое спасибо. Привет!

Румыния. — Е. Е. — Получено. Подошло. Журнал послан. Привет!

Канада. — М. Ф. — Просьба исполнена. Привет!

Югославия. — А. П. — Получено.

Югославия. — К. П. Подписную плату за журнал можно посылать нашему представителю в Белграде.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Кочина ул., 1.

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kunišćak, „Ruski dom", soba br. 9.

В БОЛГАРИИ

П. В. Нос. София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff,)

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Розыски.

Сергея Павловича Губарева ст. Ольгинской Дон. Войска розыскивает брат Ал. Пав. Губарев, S. H. S., Велики Бечкерек, фабрика „Шечера".

Редакция ж. „В. К." просит всех казаков, обращающихся к ней по тем или иным вопросам, не забывать в каждом письме обязательно четко и ясно писать свой адрес.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

№ 38 *Прага, вторник 25-го июня 1929 г.* *№ 38*

П. Крюков.
(*Франция*).

Памяти Юрия Гончарова.

* * *

В дни тяжелые для Края
Недосказан новый стих —
Сказ певучий, надрывая,
Оборвался и затих.
Оборвался и нежданно
Смолк на вечные века.
На душе так пусто... странно...
Нет поэта-казака!
Как цветок он распускался,
Но... засох среди могил.
Гей, там!.. Кто там насмеялся?
Кто поэта погубил?
Смерть! костлявая старуха!
Ты ослепла, ведьма, знать?
Кто шепнул тебе на ухо
У нас Юрия отнять?
Все еще тебе знать мало
Жертв с казачьей стороны?..
Вас и так уж мало стало,
Дона лучшие сыны!
Что ни год, то лава сильных
Волей — вольной казаков
Сходит в сень камор могильных
Под покров святых крестов...
Гей! Проснись, поэт! Немного
Ты нам песен спел своих...
Но... молчит могила строго, —
В ней навек поэт затих!..

С. Савицький.
(*Бразилія*).

Гнатові Макусі.
З нагоди 30-тирічного ювилея.

* * *

У Кремлі дзвони задзвонили...
Співає „Вічную“... москаль.
Несуть Козацтво до могили,
Живцем ховають Рідний Край.

Ніхто не плакав, як ховали...
... Орел підстрелений упав.
І зник, чкурнувши бур'янами, —
Широкий степ його сховав...

В станиці тихо... Хай ховають!..
А в Кремлі, наче ковалі,
Так жваво в дзвони вибивають
Вже по Козацтву москалі.

. . . . . .

Дурні, дурні... Живого духа
Хто сміє в землю закопать?!
А закопають — заверюха
Вулканом стане вибухать...

. . . . . .

У Кремлі тихо... Довгі вуха
Москаль наставив... Гуркотить...
З могили свіжої вже буха...
Гробарь стривожений тремтить...

... Орел одужав, вилітає.
У гору лине, мов стріла.
Як грім, орлиний крик лунає:
„Хто смів підстрелити орла?!“.

М. Б. Нарбеков. *(Франция).*

В Париже.

(Из „записок старого казака“).

Дни бегут быстро, однообразно, как французские су или русские пятаки. Время их отсчитывает и бросает в бездну.

Уже ровно год, как я в Париже. Побывал на автомобильном заводе Рено. Ушел. Работал с арабами во дворе электрической фабрики. Разгружал вагоны на станции за Парижем. В промежутках, в безработицу, стаивал в передних русских благотворительных учреждений, где получил достаточно для старого казака прекрасных нравоучений, которые знал еще из прописи. Одна темпераментная патронесса, выругав меня на все корки, из „Старых Хрычей“, как называл меня

в Болгарии мой друг Иван Федорович, произвела в „Старые Лодыри". Решил, — уж лучше умру, но к русским благодетелям не пойду.

Не очень весело тоже нашему брату, бестолмачному, искать работу в Париже. Казнь египетская. Стоишь в конторе перед шефом, слушаешь его речь, ни бельмеса не понимаешь — и потеешь, потеешь... Как будто воз везешь.

Выскакиваю из такой „бани", как ушибленный, и прихожу в себя улицы через три. „Эх, старая дылда", приветствую я свою особу: „с каким бы удовольствием я тебя выпорол". А за что, и сам не знаю. На этот день я уж больше никуда не могу идти. Лежу весь разбитый. На другой, на третий день та же баня — и так, пока не найдешь хомута, в который бы тебя запрягли.

Теперь я настоящий парижанин. На толкучке купил костюм, котелок и все иное, полагаемое. Станичник научил завязывать галстух. И я совсем — франт, только галстух не ладит — слезает на бок.

Из Болгарии, от Ивана Федоровича, частенько получаю письма. С „танками" он покончил — больше негде латок класть. Купил болгарские портки — „цырули". Говорит, что это лучшая на свете обувь. Пока только сердяга скучает: латать нечего.

Меня упрекает: „что же ты, Старый Хрыч, редко пишешь, забыл друга верного. Уж не увлек ли прелестную мамзель-француженку. Хоть на свадьбу позови". Пристает, чтоб я ему описал Париж. Что я ему скажу? Сам еще никак не разберусь в нем. Во всяком разе, Париж меня обманул. Он совсем не таков, каким я привык его представлять по книжкам и рассказам. Пробовал изобразить его Ивану Федоровичу. Сяду в воскресенье на постель, зажмурю глаза, чтобы лучше представить город. Ничего не выходит.

Вижу дома, дома, море домов — серые, однообразные и, как мне кажется, неумытые, хотя чуть не каждый день идет дождь. Под домами магазины, а больше кабаки — рестораны. Вот и все...

Мысль сейчас же срывается, перескакивает на привычный путь, спускается вниз по лестнице из моей клетки. Затем в подземелье метро. И мчится по коридорам, в залитых светом вагонах, десятки километров на другой конец города к заводу, где я работаю. Хоть убей — ничего не могу изобразить Ивану Федоровичу.

Клетка пятого этажа, подземелья метро. Визг, стон заводских машин. И море чуждых, серых домов. А над ними торчит Эйфелева башня. Почему то рядом с ней в моей голове непременно всплывает величественный силуэт Собора Парижской Богоматери, хотя он находится в другой части города.

Очень я люблю этот Храм. По счастью он недалеко от меня, на другом берегу Сены. И если мне приходится идти в ту сторону, то как бы я не устал, все-таки сверну с дороги, чтобы лишний раз им полюбоваться.

Вот его особенно бы хотелось описать Ивану Федоровичу. Жаль, что не сумею.

Прежде всего, он огромен, а не давит своей массой. Громада тонет в волнах кружев и растворяется в бесчисленных башнях и башенках, которые своими остриями тянутся к небу, изящные и тонкие, как стрелы.

Был на пасхальной службе. Внутри Собор кажется еще больше. Здесь он поражает и огромностью и величавостью. Окна таковы, что в них может пройти наша станичная хата, но каждый кружок покрыт живописью, отчего недостаток света и некоторая суровость.

Где то, в глубине Собора, вдруг, зарождаются звуки органа. Растут, ширятся, смешиваются с голосами певчих, отрываются от них, заполняют Собор и величественно плывут к стройным башням, чтобы дальше с их острия вознестись к голубому небу. Плывут волна за волной — чистые, благородные, прекрасные, то тоскливые, то радостные и торжествующие. Какая нужна была глубокая, вдохновенная вера, чтобы создать этот воистину Храм Божий, огромный и изящный, суровый и ласковый. Строили его не нынешние люди, а давно, в средние века, когда гений человеческий еще не додумался до аэропланов, автомобилей и гильотины, т. е. машины для рубки человеческих голов. Ее я не видел, но почему то мне кажется, что это нечто в роде огромной мясорубки...

Рядом с Собором, через узенький переулок, кабаки-рестораны. Как было бы чудесно, если бы Собор Богоматери высился где-нибудь на поляне, среди зеленого векового леса. И чтобы не было близко суеты людской, и не под'езжали бы к нему любопытные англичане на автомобилях, а шли бы пешком, с непокрытыми головами верующие, тоскующие по правде.

Ходил смотреть на Эйфелеву башню. Никак не могу понять, для чего это чудище воздвигнуто. Стоит оно на четырех раскоряченных ногах с огромными лапами. Все из стальных ребер. Холодный, тупой, бессмысленный и беспощадный скелет. Как смерть, только косы не достает. Иногда мне кажется, что это кукиш, который небу посылает современный Париж — Париж кабаков-ресторанов, синема, смрадных преступлений, безумной погони за наслаждениями сегодняшнего дня.

Так я Ивану Федоровичу никаких подробностей о Париже и не написал. А он до сих пор не перестает интересоваться этим „пупом" земли. Может быть Иван Федорович немножко завидует мне, может и подшучивает. Он, ведь, и насмешник большой, и старый скептик. Верил только в неизносимость „танков" и в могилу, которая, по его словам, никогда никому не изменяет. „Танки" он выбросил, осталась могила... Поэтому я не знаю, как отнестись к словам его письма, присланного еще в первые недели моего пребывания в Париже.

„Поздравляю Тебя, Старый Хрыч", так писал Иван Федорович. „Ты теперь свободный гражданин самой свободной страны. От Родины, Божьей волей, мы освободились. Если ты потеряешь душу, как сделали многие (в Париже это легче, чем где бы то ни было), то могу тебя вполне поздравить".

Последние слова меня особенно смутили. Но, как бы не язвил Иван Федорович, а я действительно в свободнейшей стране. Только свобода то странная, тесная нашему брату степняку, никак в ней не разместишься. Думаю, что ее в каком то учреждении развешивают на граммы и расценивают на сантимы.

Живу я в клетке, на пятом этаже отеля. Это — считая по французски, а по нашему — на шестом. Значит, вполне птица небесная. Комнаты отеля лепятся вдоль лестницы на протяжении семи этажей. Получается столб с нанизанными на него от земли доверху скворешницами. В праздники, когда жильцы все дома и выглядывают в раскрытые окна, мы действительно напоминаем скворцов.

Занимаемое мною „высокое положение„ в отеле имеет большие удобства. Во первых, из той ямы, которая у хозяев отеля называется двором, до меня доходит только часть ароматов от накопленных веками „культурных ценностей", во вторых, я на приличном расстоянии от хозяйки отеля, самого страшного для меня существа в мире. Эта почтенная дама ко мне не чувствует „франко-русских" симпатий и постоянно грозит „поставить за дверь" или „дать отпуск". Это по нашему значит: выгнать из квартиры. Так как последствием исполнения хозяйской угрозы явилась бы перспектива отправиться ночевать в Булонский лес, то я принял все меры, чтобы закрепиться в своей клетке.

Прежде всего, проходя мимо стекол хозяйского помещения, я стараюсь согнуться, сжаться и прошмыгнуть, как можно скорее, чтобы не раздражать почтенную даму своей высокой, старой фигурой. В этом случае мне всегда хочется быть одной из тех мышек, которых так много в нашем дряхлом отеле.

Но, думаю, самым действительным средством оказалось то, что я обложил себя данью в пользу гарсона, молодого и смазливого поляка. В нем, очевидно, я нашел горячего за меня заступника, ибо хозяйка перестала угрожать „поставить меня за дверь". И я живу уже целый год все в той же комнате, хотя от страха перед воинственной дамой отделаться не могу.

По будням, когда я являюсь домой часто в восемь с половиной, я ее мало слышу, но праздники провожу всецело в трепете. С утра до полночи раздается ее грозный голос по всему отелю: „Кошон (свинья), греден (негодяй)". Обычно буря разрешается бешенными

криками: „патрон, патрон". Это хозяйка кому то „дает отпуск", призывая на помощь мужа. Господи, пронеси мимо меня эту бурю.

Муж, или патрон, как хозяйка его называет, терроризирован почтенной дамой, как и я. Этим только и можно об'яснить улыбки сочувствия, которое у него по моему адресу появляются после обеда, т. е. когда он по французскому обычаю, пьян. В таком состоянии наш „патрон" делается необыкновенно добродушным — прямая противоположность супруге, у которой после обеда глаза наливаются кровью, щеки багровеют. Это самые опасные моменты в жизни нашей „скворечницы".

О своей жизни в Париже я давно и подробно написал Ивану Федоровичу.

В пять часов по всем клеткам отеля звонят будильники. Встаю, расправляю поясницу и растираю одеревянелые ноги. Иногда, если запоздал, не умываюсь. С'едаю кусок хлеба с американскими консервами — и марш! Хозяйка спит, и я иду смело, даже размахиваю руками. На улицах почти никого. Редко проезжает автомобиль. Тротуары за ночь обильно удобрены людьми и собаками. Потом приедут особые камионы и все уберут, а пока улицы напоминают еврейские кварталы польского уездного городишки.

Спускаюсь в подземелье метро. Из темной дыры вылетают залитые светом вагоны, битком набитые народом. Душа стынет — не помещусь и опоздаю. Но, чудеса — люди, как опара. Втискиваюсь не только я, но и другие. Стадо превратилось в одну массу, в одно тело, только многоголовое. Вагоны мчатся, масса колеблется, молчит, сонные головы зевают. Пролетаем десятки станций. Потом давим друг друга на трамвае — и мы у цели.

Широкие двери фабричного двора раскрыты настежь. Ищу у входа в мое отделение карточку, отбиваю часы, переодеваюсь у своего ящика. И номер 117 готов. Это я. В ателье я уже не человек, а только номер, часть машины...

Народ прибывает. Завертелись валы, колеса. У станков шевелятся люди. Где то в глубине зарождается подземный гул, как от далекой бури. Звуки растут, ширятся, надвигаются, охватывают здание, потрясают своды. Заскрежетали машины. По ателье пронесся вой — протяжный, жестокий, угрожающий. Демоны требуют крови, человеческого тела...

Трещат электрические молота, стучат кузницы, визжат пилы. По заводу мечутся шефы в белых саванах.

Синие куртки прилипли к станкам, к сверлам, налегли на напильники. Работаем сдельно и выжимаем из себя все соки ради лишней пары франков. Я работаю по сборке шасси, по просту — автомобильных дрог.

Сроду не держал напильника в руках — и сделался „маневром специализе", т. е. почти мастером. Пилю, сверлю, выглаживаю, приделываю какие то крючки и лапки. Что и для чего — убей Бог, не знаю, хотя работаю уже четыре месяца. Уверен — буду работать годами, и все таки не буду знать, для какого беса эти лапки нужны. Точно так же, как не знают мои соседи, для чего они сверлят свои дыры...

Идет это шасси через десятки рук, и каждый привинчивает к нему свой крючок, свою лапку. Потом шасси переправляется в другие ателье. Ходит оно по отделениям огромного завода, пока не нацепляют на него всевозможных частей и не превратят в стройный отполированный автомобиль, который будет мчаться по блестящим улицам Парижа и, может быть когда-нибудь раздавит одного из тех, кто собирал эти лапки, винтики, крючки...

В 12 часов перерыв для завтрака. Замирает гул, визг, машины вяло останавливаются, и толпа синих курток бросается к умывальникам. Переодеваются. Снова отбивают часы на своих карточках.

Улицы уже запружены тысячами старых, молодых европейцев, китайцев, арабов, негров, женщин и почти детей. Потом все это рассыпается по ресторанам. Глотают наскоро и жадно вино, мясо, хлеб. Через полтора часа снова в ателье. Идут вялые, ленивые, с проклятием в душе. Навстречу несется визг и вой — демоны снова просят человеческой крови.

Кончаем в семь. Снова умываемся, отбиваем часы, заливаем телами улицы...

Вагоны мчат под землею измученное человеческое стадо. Душно, тесно. Стадо молчит. Мелькают станции. На каждой выбрасывают своих грязных пассажиров. Масса расширяется. Втискиваются новые и она снова сжимается.

Я прислонил свое длинное тело в углу вагона, уперся в пол ногами, которых почти не чувствую.

Закружились в голове мысли, оставили дряблое тело, взвились, легкие и свободные, вырвались из душного подземелья к свету, к голубому небу и понеслись привычной дорогой все туда же — к широким казачьим степям. И я уже не под землей, не в душном вагоне, а на родимом бескрайном просторе.

Еду на тележке. Бурчик усталой рысцой бежит по вспрыснутой дождичком дорожке. Солнце садится. На западе собрался на ночлег караван облаков с золотыми краями. Куда ни глянь, волнуются зеленые поля. Стоят прошлогодние стога и скирды. Ширь и воля безграничные...

Сворачиваю к знакомой белеющей капличке, что стоит у оврага. Выпрягаю Бурчика, пускаю его на зеленую травку, перемешанную с серой душистой полынью. И заряжаю чайник. Скоро потянулся к небу кизечный дымок. А сумерки все темнеют. Ужинаю и веду Бурчика на водопой. Пока он пьет, я опускаю зудящие ноги в холодный ручеек, что нежно звенит в узеньком ложе, на дне оврага. Потом ложусь под дрогами, накрываюсь шинелью. Бурчик во весь рот косит зубами сочную травку, временами пофыркивает.

Поднимается луна. Эта вечная затейница переряжает все по своему. Скирды стали не скирды, стога — не стога. Даже высокий татарник превратился в какое то живое существо и разлюбезно кивает мне головой.

Недалеко затрещал стрепет, дальше другой... Шаловливый ветерок проскочил между колес, отделив прядь моих волос и щекочет ими по лбу.

Широко и привольно, легко и благостно. Душа растворилась в просторе и слилась с чудесной душистой ночью. Не знаешь, где кончаешься ты, где начинается Мир Господний...

Боже мой, мне давно нужно слезать, а я уже и Бастилию проехал. Надо возвращаться... И всегда так — чем ни больше устанет тело, тем самовольнее ведут себя думки. А ты, вот, теряй время. Нет, не быть мне никогда культурным человеком. Так и останусь неотесанным степняком. Устарел — не приспособлюсь.

Вылез на Бастилии. Широкая площадь кипит. Пулями мчатся автомобили, хрипят автобусы, звонят трамваи. Ищу свое направление. Прежде всего нахожу высокую колонну с ангелом наверху, застывшим в позе балетного танцора. Бегу, оглядываясь на все стороны, чтобы не задавили и протискиваюсь по тротуарам сквозь сплошную человеческую волну. Ноги, как свинчатки, а мысли все те же и кружатся в голове, как галки осенью над баштаном. И я чуть не попал под автомобиль. А французы идут веселые, с сухими, заостренными, штампованными лицами. И у всех одинаковые улыбки, очевидно, вместе с духами, приобретенные в парфюмерном магазине.

По дороге купил помидоров, американский беф и копченую селедку. Через стекла вижу обедающих хозяев. Сгибаюсь, стараюсь незаметно на носках прошмыгнуть. Но старая карга видит, несомненно видит, уголками своих полупьяных глаз. Впрочем, черт с ней — гарсон за меня горой.

Втаскиваю свое отяжелевшее тело на шестой этаж в каморку. Падаю на стул, отдыхаю несколько минут. Умываюсь. Ужинаю. Ем стоя — спешу, чтобы не терять времени. Ем, почти не замечая что. Сбрасываю одежу и валюсь в постель, чтобы завтра встать в пять часов. Опять расправлять поясницу, растирать ноги. И снова мчаться на вой и скрежет машин...

И так каждый день — иногда и в воскресенье. Таких дней прошло уже три сотни. Впереди то же — без конца. До смерти, до могилы. А где она, могила?..

Нет, не могу больше. Уйду на простор. К деревцам, к травке, к небу, к земле.

К Господу Богу поближе...

Алексей Персидсков.
(Брно).

* * *

Мне б зипун на худые плечи
Да аркан власяной за луку, —
Кто недуги мои излечит,
Кто измерит мою тоску?

Мне б родиться со Стенькой с Усом,
Волгу резать и Каспий жечь,
По калмыцким в степи улусам
Слушать снова казачью речь.

Мне б обняться с тоскливой бурей —
Стиснуть сталью седую мглу...
Перестать чернобровье хмурить
Все никак до сих пор не могу.

Мне б колчан с кремневой стрелою,
Вороного коня, да пищаль...
Череп лысый до мозга вскрою,
Вырву из сердца печаль.

Людмила Костина.
(Югославия).

СКАЗКА.

Из сверкающих грез, из созвучий нездешних мелодий,
Из лучей красоты создалась наша странная сказка...
Мы живем среди снов, среди сказочных бледных героев,
Среди жутких видений в сплетениях неги и ласки.
В кружевах наших слов умирают земные обманы,
Из мерцающих звезд в облаках выростают дворцы...
Мы одни в нашем царстве, в волнах серебристых туманов,
Среди старых легенд мы с тобою одни...
Нам теперь все равно, что творится в пределах земного,
Пусть весь мир над задачей начертанной бьется, —
Мы теперь далеко, в нашей сказке все ярко и ново,
К нам никто в наше царство любви не ворвется!

Владимир Поляков.
(Брно).

* * *

Лишь только забываюсь я тревожным сном,
Ночная тьма мне посылает образы былого.
Душа моя тогда скорбит лишь об одном:
Нам суждено-ли Край Родной увидеть снова?
И чудится, что снова я в Родном Краю
Скачу меж сторожей степных — курганов,
И снова обнимаю милую свою
В белесом сумраке вечернего тумана.
Она глядит печально на меня;
В глазах ее сверкают слезы;
Над нами тихо плачут тополя
И грустно вторят им кудрявые березы.
И дальше образы былого мчатся чередой:
Последние, прощальные об'ятья...
И сердце наполняется щемящею тоской
И с спящих уст срываются проклятья.
Проклятья тем, кто Край Родной залили
Разнузданною красною волной,
С усмешкою кровавой полонили
И в цепи заковали Дон Седой.
С тех пор прошло уж много лет,
Но все еще скорбит Седой наш Богатырь,
И смотрит, красным маревом одет,
В миражами играющую ширь.
И чудится ему, что там — в туманной дали
За белою миражною рекой
Уж громче раздаваться песни стали
Казачьей воли — старины родной.
И верит Дон, что не забыли
Мы своего Родимого Отца,
Что только для него мы сохранили
Казачьи вольные свои сердца.
И твердо верю я, и знаю —
Уж скоро сбросит цепи наш Кормилец Дон;
И разольется по Родному Краю
Свободы нашей радостный трезвон.

Николай Букин.
(Югославия).

Посв. юному казаку — донскому кадету *Г. Д.*

* * *

Куда ты мчишься, конь ретивый?
Куда несешь ты седока?
Неси его ты в Край красивый,
Где степь широка и вольна.

Где все прелестно и отрадно,
Где Край всего обильем дышет,
Где Дон Родимый, ненаглядный,
Волной своей челнок колышет.

Неси его, где Дон струится
Широкой мощной полосой,
Где будет воле он дивиться,
Скача в степи своей родной.

Он будет видеть там станицы
В садах тенистых и зеленых,
Там птиц веселых вереницы
Поют Казачеству о воле.

Он будет видеть, как красиво
Вдали под небом высоко
Орел степной летит лениво
Так плавно, дивно и легко.

Неси его, где песнь родная
Ему блаженство подарит,
Там колыбель его степная, —
К кому любовью он горит.

Там солнце греет потеплее,
Там ярче звездочки горят,
Ему там будет веселее
В степи с гобою поиграть.

И ты узнаешь, что такое
Степь безгранична, широка,
В ней будет где, тебе на воле,
Носить лихого седока.

Победа Сталина.

(После XVI Совконференции и V совконгресса).

Едва-ли положение СССР было когда-либо более тяжелым и неопределенным, особенно в экономическом отношении и с точки зрения полной безнадежности финансового состояния, чем в настоящее время.

Шейнман (Упр. Гос. Банком) сбежая, не желая больше нести ответственности за финансовый хаос советского хозяйства и предсказывая неизбежный его крах. Доклад его в Берлине о финансовом положении СССР — произвел удручающее впечатление на заинтересованные банковские круги.

Иностранцы, посетившие за последнее время Совдепию и имевшие возможность собственными глазами видеть то, что там творится — возвратились из Москвы с весьма пессимистическими взглядами на будущее сталиновской империи.

Наконец, по частным сведениям оттуда, особенно же по письмам из провинции, не трудно видеть, что хозяйственное положение в СССР действительно весьма критическое, чтобы не сказать безнадежное.

Прежде всего поражает ужасная продовольственная разруха. Нет хлеба, нет муки, нет мяса, нет жиров. Все припасы выдаются по карточкам в гомеопатических дозах и, чтобы их получить, приходится целыми часами стоять в очереди.

Хлебороб на Украине, в Казачьих Землях и вообще на юге озлоблен.,. Ему претит насильная и планомерная коллективизация земельного хозяйства, которую левые большевицкие круги со Сталиным во главе — решили насаждать теперь в ударном порядке, об'явив непримиримую войну индивидуальному хозяйству и его представителю, компартиею презираемому, „кулаку".

Пропаганда безбожничества — начинает вызывать отбой. Это особенно было заметно во время последних пасхальных праздников, когда верующие во многих местах Совунии разгоняли провокационные выходки безбожников, в связи с чем произошло несколько острых стычек и столкновений.

Неудивительно потому, что Чека снова ожила и ее оберпалач Ягода прилежно занялся из'ятием из жизненного обихода „зловредных" антибольшевицких элементов, о чем красноречиво говорят между прочим, последние изуверские казни в Москве, вызвавшие возмущение и даже протесты в целом культурном мире.

Сейчас Ягода раз'езжает по Украине, чтобы расстрелами усмирить „проклятого" и непримиримого „куркуля".

Несмотря на все эти тревожные симптомы, Кремль благодушествует, а Сталин торжествует.

Внутренне-партийная крамола благополучно ликвидирована. Троцкого выгнали, а троцкистов разложили или заставили молчать. —

Изменники правого уклона преданы анафеме, поскольку они не пожелали перейти на Сталинские позиции.

Бухарин и Томский в отставке. Ворошилов в опале. Рыков — угрожавший перспективами лета, — в отпуску...

Сталин торжествует.

V совконгресс был его триумфом. Ему устроили овации. — Он теперь „историческое лицо". Не важно, что в хоромы истории он пролез, так сказать, без билета, т. е. по чужой контромарке.

Первобытный ленинизм сходит со сцены.

Троцкизм — оказался мертворожденным и незаконным чадом большевизма. Едва-ли Троцкому в Турции удастся его воскресить снова к жизни.

Теперь корабль СССР — плывет под флагом Сталина. Оффициальной его идеологиею является сталинизм.

Больший парадокс трудно было бы выдумать. Человек, который свою революционную карьеру сделал на террористических эксцессах и которому всякая теория была китайскою грамотою — вдруг стал идеологом красной Москвы и преемником Ленина в роли законодателя и лидера Советского союза.

В то время, когда СССР представляет из себя вулкан накануне извержения, Кремль забавляется планом пятилетней хозяйственной политики, долженствующей превратить это совгосударство в экономический рай на земле.

V совконгресс был очарован и загипнотизирован наглядною картою Крыжановского, электрическими лампочками иллюстрировавшей сказочные чудеса будущего благополучия СССР.

Заводы, шахты, электростанции и разные другие предприятия в кинематографическом калейдоскопе появлялись на этой чудотворной карте, шедевре стереотипной для большевиков политики демагогии, — базирующейся на хроническом и ирреальном „завтраизме".

Сегодня можно дохнуть с голода. Главная вещь, чтобы через 5 или 5.000 лет был рай на земле и то обязательно „для всех".

Мудрено-ли, что 3.000 делегатов V. конгресса пришло в неописуемый восторг от чудес этой карты и что один из них, не совладав со своими чувствами — крикнул по адресу великого мага советской алхимии, Крыжановского:

— Да вы сразу всю карту рассветите! и когда это было сделано к удовольствию всех, зал в горячке массового энтузиазма... запел Интернационал.

Восторг, конечно, вещь хорошая, но сам по себе недостаточен еще для политического и социального созидательства.

Но, об этом не помнят или забывают в Кремле и потому, пожалуй, могут угощать из-

голодавшегося и ободранного обывателя очаровательными перспективами обильного благополучия в неопределенном будущем за счет настоящей разрухи и прошлых (правда, еще не совсем) ужасов...

Сталин — как пишет московский корреспондент „Prager Presse“ — на этот раз совершенно спокойно и с полным удовлетворением может отправиться на Кавказ, чтобы полечить там свой застарелый ревматизм.

Он добился своего. Враг уничтожен. Оппозиция раздавлена. В компартии произведены генеральные чистки. Против беспартийных пущен снова в ход террор — словом, „на Шипке все спокойно“ и Сталин безмятежно может наслаждаться своею победою.

Н. С. Рябовол.

(К десятой годовщине его трагической смерти).

Десять лет тому назад, 27 июня (14 по ст. ст.) в Ростове на Дону был убит Председатель Кубанской Краевой Рады Николай Степанович Рябовол, тогда председатель делегации Кубанской Рады на Доно-Кубано-Терской конференции.

В своих „Очерках Русской Смуты„ (том V, стр. 195) ген. Деникин говорит, что „Следствие донских властей не обнаружило лиц, совершивших убийство“, а донской военный прокурор полк. Калинин, выступавший на суде обвинителем одного из соучастников этого убийства (и, след., очень хорошо знавший весь следственный материал), свидетельствует („Голос Казачества“ от 12 февраля 1922 г. № 21), что обнаружить лиц, совершивших убийство, было бы не так трудно, если бы, наряду с судебными властями, за „раскрытие“ преступления не взялась всесильная тогда контр-разведка В. С. Ю. Р. Следствие со стороны донской власти вел следователь по важнейшим делам Павлов, добросовестно исследовавший все обстоятельства убийства, насколько это было тогда в силах органа судебной власти. Однако, он был бессилен установить личность убийцы, хорошо известного „отряду особого назначения“ ротмистра Баранова, равно как и личность шофера автомобиля одного из высоких учреждений Добрармии в Ростове, на котором скрылся убийца и его соучастник.

Не будем и мы здесь устанавливать имена фактических убийц, — действительные вдохновители и виновники смерти Н. С. Рябовола установлены были тогда же кубанским общественным мнением очень единодушно. Знала их, очевидно, и Кубанская Законодательная Рада, когда, собравшись в день убийства на чрезвычайное заседание, приняла ряд постановлений:

о закрытии издававшихся на Кубани всех „чужих“ газет, поносивших Раду и ее Председателя, и о высылке из пределов Края их редакторов; о закрытии на Кубани всех отделений добровольческого „освага“ и — тоже о высылке его агентов; о передаче екатеринодарского гарнизона в надежные руки; о том, чтобы на Кубани вообще были только кубанские гарнизоны; о том, чтобы Куб. Пр-во приняло меры пресечения против лиц, ведших борьбу с кубанскими краевыми учреждениями...

Со времени убийства Рябовола ненормальные, но скрытые до того отношения между Кубанью и Вооруженными Силами Юга России перешли в явно нескрываемую борьбу, закончившуюся в ноябре того же года повешением Кулабухова — пирровой победой Главного Командования (Деникин — Врангель), ибо непосредственно за „кубанским действом“ и в результате его провалились и сами В. С. Ю. Р., увлекши за собой в пропасть и Казачество. И сам ген. Деникин не скрывает, ведь, что взаимоотношения свои с Кубанью он считает „одною из наиболее серьезных „внешних“ причин неудачи движения“ (т. V, стр. 194).

Теперь, оглядываясь назад, можно только сказать, что никаких „хороших“ отношений между В. С. Ю. Р. и Казачеством не могло и быть, ибо их разделяли различные цели борьбы, хотя бы и против общего врага. Для характеристики же вообще этих отношений (и как „науку“ для будущего!) можем здесь только отметить, что казаки добровольцев и не стреляли, и не вешали, — имело место только обратное.

Убийство Рябовола для Кубани было тяжким, непоправимым ударом. В то же время оно открыло всем глаза на истинные намерения „белой“ борьбы.

В оценке самого убийства Кубань была единодушна. И сейчас, вспоминая эту печальную годовщину, мы разрешим себе припомнить, что думали и как реагировали тогда на это событие кубанцы.

Решительными и категорическими приговорами отозвались станицы. „Вольная Кубань“ засыпалась протестами и возмущениями. Характерны стихотворения, написанные на смерть покойного. Для характеристики тогдашних настроений приведем здесь выдержки из некоторых из них.

В номере 131 „Вольной Кубани“ (от 16 июня, по ст. ст.) помещено напр. стихотворение, подписанное Г. Эннов, и озаглавленное: „Н. С. Рябовол“. Кончается оно так:

... И пал борец... В расцвете сил,
Когда звала его работа...
И револьвер Искариота
Из-за угла его сразил.
Над стороной твоей родной,
Храня незримо от невзгоды,
Пусть реет образ светлый твой
Залогом Счастья и Свободы...

В номере 161 той же „В. Кубани“ (от 23 июля ст. ст., т. е. к сороковому дню) помещен целый ряд стихотворений.

В одном из них (подписанном Яковом Баранником) автор пророчествует:

... Заплачь, Кубань родная,
О прежней вольности своей:
Твоих вождей уничтожая,
Враги готовят цепи ей...

Другой автор, некто М. М., возмущается:

... Панує літо. Тиха благодать
І тихо в серці, на душі спокійно
У тих, що нині хліб у нас їдять,
У тих, що в „північ“ зазирають мрійно...
Панує літечко, панують і вони...
І тільки плачуть вдови наші й діти —
В боях десь там батьки наші й сини,
А тут вони годовані й одіті.
Вони ідуть, купаються в теплі,
Тебе ж, що так любив свою країну,
Руками злодія поклали в домовину
І вирвали із рідної землі...

В другом стихотворении тот же автор сумує:

Він вмер... Не вернуть його нам
Ні лицемірні жалі, ні молитви!
На втіху тільки ворогам
Здалися наші подвиги і битви...
Знамена наші втоптано в багно
І руки злодія у нашій рідній крові...
І ми знайшли знущання в них одно
Ціною щирости і нашої любови...

Наш почтенный и славный историк, проф. Ф. А. Щербина написал большую „думу про Миколу Рябовола“, которую потом пели кубанские кобзари по станицам. Вот некоторые выдержки из нее:

Ой, поїхав наш Микола
Та свободи добувать, —
Забажалось козакові
Сірим людям волю дать.
. . . . . .
Він приміряв, він прикинув,
Як братерства те зробить,
Як до ладу у станицях
Ті порядки закрипить.
Добре буде, як кубанці,
Браття терці та донці
В славнім ділі з'єдиняться
Як ті пальці в кулаці.
Ще міцніше діло буде
Як сусіди всі зараз
Будуть радиться у купі
І народня буде власть.
. . . . . .
Так то думав наш Микола
І на Раді так казав,
Щоб братерство скрізь настало,
Як народ того бажав.
Та зла доля не судила
Козакові довго жить,
Чорний ворон крякнув в полі,
Кривда правду стала крить.
. . . . . .
Вічна слава Рябоволу!
Слава і його ділам!
. . . . . .

———

Н. С. Рябовол — сын простого казака станицы Динской. Учился в реальном училище (в Ек-даре), после окончания которого поступил в Киевский Политехнический Институт. Из-за недостатка средств не мог окончить его во-время; потом он принял очень деятельное участие в общественной работе на Кубани — в кооперации и на Черноморско-Кубанской железной дороге, учредителем, а потом и директором правления которой он был. На этом посту его застала Мировая война. Он был призван, окончил школу прапорщиков, а революция 1917 года застала его прапорщиком где то, не то в Петрограде, не то в Финляндии. Но уже на первом (апрельском) Кубанском С'езде мы видим его в роли товарища Председателя этого с'езда (председателем был Д. С. Иваненков).

Интересно отметить здесь следующее обстоятельство. На первом общеказачьем с'езде в Петрограде (в конце марта, 1917 г.) Председателем его был избран оренбуржец, тогда полк. Дутов. Фактически же руководил с'ездом тов. председателя М. П. Богаевский — потом баян донского казачества. Точно также на апрельском (1917) кубанском с'езде фактически руководящую роль в президиуме играл Н. С. Рябовол. Уже тогда он, может быть сам того не подозревая, приготовил себе то, что когда собралась осенняя Рада, он был довольно единодушно избран Председателем ее (как „умелый председатель"), да так и остался потом бессменно на этом посту. Все члены Рады, даже противники его ценили в нем не только интеллект и волю, но и его способность быстро ориентироваться во всякой обстановке, уменье выходить из самых трудных положений. Действительно, никто не мог отказать ему в подлинном уменьи, пожалуй даже — искусстве председательствования.

Во главе Законодательной Рады он участвует в первом и втором кубанских походах 1918 года. Большевицкие пули в него не попали. Попали другие. Но не умерла его память в кубанских сердцах.

И не умрет. История казачьего освободительного движения надлежаще оценит политическую роль первого и бессменного Председателя Куб. Рады. Казачество его не забудет. И когда оно снова будет хозяином на своей Земле, — оно сумеет создать ему — своему избраннику и своей жертве искупительной — достойный памятник.

И. Б.

Шамба Балинов.

О судьбах Казачества.

Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что большевики административно-политический центр Донского Края перенесли из Новочеркасска в Таганрог.

С точки зрения „рассказачивания", уменьшения и, если возможно, полного уничтожения казачьего влияния в Краевой жизни, что большевики упорно и методически делают, — это самая естественная мера и самое верное средство для достижения основной цели большевиков и вообще русских „великодержавников".

Собственно говоря, даже странно, почему это перенесение Краевого центра из города с казачьим населением в город с населением неказачьим состоялось только теперь? Большевикам, конечно, известно, ставшее в современной науке об обществе бесспорным, положение, что страною управляют города; что основными социальными агрегатами нашего времени, двумя основными общественными факторами, аппаратами, человеческого общежития современного общества являются город и деревня. При чем, в системе распределения общественного труда в государстве самая низшая функция — земледелие, скотоводство и физическая работа в других областях, — падает на деревню, а самая высшая интеллектуальная функция — международная политика, промышленность, торговля, политическое и военное управления и иные культурно-научные работы, работы по искусству, — принадлежит городу. Именно он, город, определяет и направляет государственную и международную жизнь современных народов, обществ.

В согласии с этим общим положением и основной целью большевиков — уничтожения Казачества — давно нужно было ожидать перенесения Краевого центра из казачьего Новочеркасска в „пролетарский", интернациональный город Таганрог, чтобы казачий город Новочеркасск снизился до положения деревни для служения „подножием трона" Таганрогу, цитадели „красы и гордости революции". Но, по непонятным причинам это случилось только теперь.

Казакам, думающим о возрождении Казачества, стремящимся к строительству казачьего государства, следует серьезно задуматься над вопросом общественно-политической и социально-экономической роли городов в государствах, выяснить социальный и национальный состав городов на Казачьих Землях, а разобрав и уяснив себе это, сделать соответствующие и необходимые выводы.

Кто управляет городами, тот управляет страной. Почему же роль города в цивилизованных странах так велика? Потому что, „город организует и ведет промышленность, торговлю, искусство, науку, вообще духовную культуру, а главное, политическое руководство государствами осуществляется городами... Кто господствует в городах, тот господствует над целой страной, управляет или направляет деревню... Духовная культура, хозяйство и политика общества собрана в городе. Город определяет цены на продукты сельского хозяйства, город производит все духовное, культурные ценности, которых очень малая часть попадает в деревню. Город создает общественные идеалы, приводит к революции, ведет международную политику, войны, используя крестьян, как материал. Деревня поставляет в город человеческий материал для всяких целей, поставляет продукты своего бедного хозяйства и подвергается эксплоатации. Материально бедная, культурно темная, политически бессильная, юридически поставленная на последнее место, деревня есть подножием города" *).

*) М. Шаповал — Город и деревня.

Таково общее положение взаимоотношения города и деревни в стране, государстве. Нельзя не признать справедливости этого положения в отношении всех народов, государств. Это положение может не иметь дурного последствия в деле нормального развития данного народа, государства если большинство населения в городах принадлежит самому народу, территорию данного государства занимающему. Но если это большинство в городах находится в руках пришлых, чужеродных элементов, как например во многих городах на Украине, Кавказе, Туркестане и т. д., то такое положение имеет роковое последствие в деле развития народа, укрепления государства. В таком случае народ экономически закабаляется городом, т. е. чужеродным элементом, национально деградируется и под влиянием культуры чужих городов, постепенно теряя национальное сознание, национальную особенность, доходит до такого положения, когда принадлежность к своему родному, но культурно-отсталому, деревенскому народу считается позором, как это имело место, напр., в истории чешского народа.

„Воспитание и мода до такой степени были гибельны и успели так преобразовать всю молодежь, что уничтожили в ней любовь к отечеству и к родному языку. Быть чехом считалось позором, которого избегал всякий, кто стремился к просвещению“ *).

Такое положение было вполне естественно, ибо культура, просвещение, к которым стремилась молодежь, исходили из города, где царствовали чужие люди, немцы, поставившие себе целью не только борьбу с чешским языком, но имевшие в виду „угасить и дух чешского народа“, и которые, пользуясь техническими и государственными аппаратами, настолько умело повели и поставили дело денационализации чешского народа, что „о своем народе чешская молодежь не слышала нигде ничего радостного, ничего возвышающего ее национальное чувство, начиная с самой низшей приходской деревенской школы и кончая аудиторией университета, и если где-либо заводилась речь о чешском народе, то юношеству прививались лишь чувства равнодушия и презрения к нему“ **).

Такова общая участь всех экономически, политически и национально закабаленных народов. Украина являет разительную картину, где города с чужеродным населением являются полным хозяином всей Украины, когда разной масти „великодержавники“ имеют некоторое основание говорить об „украинском“ Киеве, „украинской“ Одессе, где „техническим аппаратом господства России над Украиной является русско-еврейский город“, где „командный состав принадлежит господствующему народу (русским и евреям)“. (М. Шаповал).

Такое положение явилось результатом Московской политики: „... цари московские роздали украинскую землю своим слугам, украинским и чужим, закрепостили крестьян, ввели всякие подати и рекрутчину, уничтожили почти все школы, а в оставшихся запретили учить на нашем языке, завели нам казенных, невыборных попов, пустили к нам вновь еврейских арендаторов, шинкарей и ростовщиков, которых было выгнали казаки, да еще отдали на корм этим евреям нашу землю, запретив им жить в земле московской“...***)

Подобное положение в полной мере имеет место и в Казачьих Землях. Например, из городов на земле Донского Казачества только один Новочеркасск является казачьим городом, хотя неимеющим серьезного значения в экономической жизни Края, но сохранявший за собою руководство культурно-политической жизнью Дона. Это руководство, хотя и сильно окрашенное в русский цвет, все же в силу наличия большинства казачьего населения, не утрачивало казачьего колорита. Теперь милостью большевиков и это руководство перешло к Таганрогу.

Остальные города — Ростов, Нахичевань, Таганрог и др., имеющие огромное экономическое значение не только в жизни Донского Казачества, но и всего Юго-Востока б. Империи, были и остаются городами не-казачьими. В этих городах, т. е. в руках чужеродных элементов, была сосредоточена вся экономическая, торговая, промышленная жизнь Края. Через их руки вывозились все продукты тяжелого физического труда станичного казачьего населения, и через эти руки оно получало в очень ограниченном размере необходимые предметы потребления.

Другими словами, станичное казачье население своим трудом кормило и обогащало неказачье, чужеродное городское население и, обогащая последнее, давало ему возможность еще более усовершенствовать орудие закабаления, рассказачиванья казаков.

Это положение некоторые казаки находят нормальным, естественным, ибо, по их мнению, в свободном состязании в жизненной борьбе, проявлении инициативы, творческой воли представители „великого русского народа“ подавили казаков, привыкших „к разбою“ и неспособных к созидательной работе и, естественно, мол, они, казаки, очутились вне кипучей жизни городов. Но, эти господа забывают или умышленно закрывают глаза, что в силу российской политики почти вся душевная энергия, вся творческая сила казаков уходила, поглощались военным делом, делом расширения границ „матушки России“ и казаки не имели возможности отдавать свою силу на организацию своего хозяйства, организацию хозяйственной жизни своего Края.

Эти же казаки, ныне возражая вольным казакам, говорят, что теперь в Казачьих Краях большинство неказаки и потому мы должны, мол, подчиниться этому чужому большинству, а к тому же Казачьи Края так, мол, бедны, что о самостоятельной жизни и мечтать не приходится.

Но им известно, что Казачьи Края только (Донская, Кубанская и Терская области, Астраханская, Ставропольская и Черноморская губернии) „занимают территорию в 632.984 кв. кил., которая значительно превышает в отдельности все без исключения Европейские государства (без колоний). На 80.904 кв. кил. она превышает самое большое из них — Францию, на 157.547 кв. кил. — Германию и почти ровно в два раза превышает площадь Великобритании с Ирландией *).

Эта территория содержит в себе огромные, еще не использованные надземные и подземные богатства. Казачьи Края вырабатывали свыше трети урожая пшеницы и ячменя по всей Европейской России и по праву назывались „пшеничницей“ России; за покрытием местной потребности за пределы Края вывозился хлеб на сотни миллионов золотых рублей. По мнению специалиста, этот вывоз к 1922 г. должен был достигнуть двух миллиардов рублей. „Но, так как, кроме того на Юго-Востоке обрабатывалось лишь 12,7 миллионов десятин (из 57,7), так как лесные богатства не разрабатывались, так как хозяйство велось примитивно, давая лишь малую долю того, что оно может давать в действительности, — есть основание заключить, что Юго-Восток в состоянии довести свой вывоз до нескольких миллиардов долларов в год“ **).

Такого вывоза можно было достигнуть при полном удовлетворении местной потребности, где „все, без исключения, население привыкло к обильному и постоянному потреблению мяса, жиров, молока, молока, молочных продуктов“, где „все население питалось без преувеличения роскошно по изобилию и доступности продуктов“, где казаки „достигли уже благополучия иметь курицу в праздничный день, о чем мечтал король Генрих IV, как о великом счастьи для француза“...***)

О естественных надземных и подземных богатствах Казачьих Земель не стоит говорить. Они совсем еще не использованы. О развитии каменноугольной, нефтяной, металлургической промышленности Казачьих Краев имеются прекрасные описания в упомянутой выше книге „Юго-Восток России“. Все это дает право говорить, что Казачьи Земли являются богатейшей территорией,

*) Проф. В. А. Францев — Очерки по истории чешского возрождения, Варшава. 1902.
**) Там-же.
***) М. П. Драгоманов — Историческая Польша и великорусская демократия. Париж, 1905.

*) С. Н. Сирин — Юго-Восток России. Издание К-та экон. возрождения Юго-Востока России, 1922. Берлин.
**) Там-же Из доклада С. В. Маракуева.
***) Там-же.

смело могущей поднять и выдержать государственные тяготы. Только нужна умелая организация, рациональное использование, хозяйские очи, руки...

Вся беда в прошлом заключалась в том, что огромная часть дохода от этих естественных богатств Края шла не на пользу хозяев Края — казаков, а расходилась по карманам чужих, пришлых элементов, целью которых было не благоустроение Казачества, а хищническая нажива.

Командный состав в Казачьих Краях принадлежал пришлым элементам, а казаки играли подчиненную роль на своей Земле, довольствуясь только ролью сельского хозяина и воина, выполняя только тяжелую, физическую работу, отдавая почти все плоды своего тяжкого труда чужим людям.

Такое положение было естественным следствием московской, а еще более российской политики, ибо „использование физической силы порабощенных народов для интересов притеснителей есть общее явление: с каждым порабощенным народом делается то же самое" (М. Шаповал).

А казаки, некогда сильные, свободные граждане Казачьих Республик, действительно, были порабощены великорусским народом, вернее именем этого последнего действовавшими разными владыками, и доведены до „служилого сословия". И есть казаки, довольные подобным положением, радующиеся этому и с гордостью называющие казаков „Русью бродячей".

„Русь бродячая (казаки) прокладывала дорогу Руси оседлой". Казаки своей кровью и жизнью завоевали себе землю, отстаивали свое право на ней жить, а за ним „сомкнутым строем медленно ползли вереницы русских пахарей", захватывали и укрепляли за собою утученные казачьей кровью земли, а в результате: на казачьей земле казаки в меньшинстве и ныне, на основании „демократического принципа", они не имеют права претендовать на роль хозяина на своей Земле, а должны беспрекословно подчиниться воле „большинства"!

Так ныне демократическим принципом оправдывается, узаконивается незаконный захват чужими людьми казачьих земель, вековое и методическое нарушение казачьих прав московскими и петербургскими владыками; так задним числом идеализируется „великодержавниками" преступная в отношении Казачества колониальная политика Москвы, а затем Петербурга, борясь с которой в свое время лучшие казаки потоками проливали свою кровь, складывали на плахе свои буйные головы.

А политика Москвы, а затем Петербурга в отношении Казачества носила все признаки колонизации. Казачьей кровью завоеванные казачьи земли и ее естественные богатства об'являлись собственностью государства и царями и царицами произвольно жаловались своим фаворитам и отдельным „преданным" себе казакам, чем создавался на казачьей земле класс помещиков и казачьих „старшин", что являлись могучими пособниками в деле подчинения Казачества Москве; а с другой стороны, поощряемые, поддерживаемые политикой правительства, на казачьи земли „ползли вереницы русских пахарей", создавая на казачьей территории т. н. „временные поселения", на них укрепляясь, постепенно создавая свое „большинство".

Эта традиционная московская политика еще более ускоренным темпом ныне проводится большевиками, которые усиленно заселяют Казачьи Земли пришлыми элементами, создавая там молоканские, еврейские и иные колонии. Например, в Сальском округе „не так давно пустовавшие (?!) степные пространства, сделались в последнее время об'ектом усиленной колонизации и культурного сельского хозяйства. Разрабатывается грандиозная мелиоративная Сальская проблема; появляются в большом количестве новые поселения, хутора"*)...

*)Краеведение на Северном Кавказе. Периодический орган Северо-Кавказского Краевого Бюро Краеведения, №. 1—2, 1928.

И если казакам не удастся в ближайшем будущем избавиться каким угодно путем от московских большевиков, то настанет время, когда казаки на своей земле будут составлять ничтожное меньшинство, а разные „демократы" со спокойной совестью патетически будут кричать на всех перекрестках: вас, казаков, ничтожное количество, а потому потрудитесь беспрекословно подчиниться нам, большинству, а иначе — вон!

Эта политика „внедрения" является одним из безусловных признаков колониальной политики, по которому: „повсюду в мире господствующие нации домогаются продвинуть возможно больше своих „компатриотов" в туземную гущу порабощенных наций" (Шаповал).

Одним из важных и главных признаков колониальной политики является и „эксплоатация психической энергии порабощенной нации", что с большим успехом делала Москва. Это достигается „путем включения порабощенных в культурно-идеологический комплекс господствующей нации". Порабощенные этим путем „и далее подчиняются всем формам эксплоатации, однако без национального сознания этой эксплоатации, ибо у порабощенных отнимается чувство своей особенности, а следовательно, солидарности в пределах этой особенности. Порабощенные должны и далее нести свой крест неволи социальной, экономической, культурной, политической, должны забыть о праве на свою территорию, ее естественные богатства, о праве на плоды своего труда и праве распоряжения самим собою по своей воле, главное, должны утерять возможность культурного развития, какое неминуемо ведет к осознанию своей неволи"*)...

Положение, полностью применимое к Казачеству. К сожалению и несчастью, сотни и тысячи казачьих интеллигентов, с детства воспитываемые в школах в духе покорности и верности Москве, в духе пренебрежения к казакам-„разбойникам", отдавали и теперь отдают свои психические силы, энергию разума и чувств на службу Москве, на укрепление ее господства над Казачеством, и ныне они дошли до того парадоксального положения, что всякое заявление, притязания казаков на свои казачьи права они в лучшем случае встречают благосклонной иронией („казакомания"), а часто подобные заявления квалифицируют „изменой матушке России". Эта часть казачьей интеллигенции, всецело подверженная политике „идейного опустошения и политической централизации, а также под влиянием денационализации высших классов, все более теряла целостность национально-политического идеала"**) и в конце концов полностью отвергла казачью идею.

Эти люди были самыми лучшими пособниками того, что ныне представители великорусского народа с некоторым основанием могут заявлять, что все казачье — наше, и на этом основании отдавать казачьи города в руки неказаков, а самих казаков довели до того унизительного положения, что они на своей Земле стали только сельско-хозяйственными батраками, без фактической возможности играть существенную роль в культурной, экономической жизни своего Родного Края.

Эти казачьи интеллигенты, всецело подпавшие влиянию колониальной политики Москвы, забыв свой сыновний долг перед родившим его Казачеством, уходили в чужие края им отдавать свои силы, а на место них на Казачьи Земли широкой волной устремлялись чужеродные элементы, и, захватывая там лучшие места, укрепляясь на казачьей территории, создавали не-казачье большинство и уподоблялись змее из басни „Крестьянин и Змея".

Пусть вспомнят казаки — из кого в казачьих областях состояло большинство учителей (особенно в средних школах, не говоря о высшей), судей, докторов, начальников, служащих транспорта, купцов, промышленников, высших чиновников, наконец, как венец, кто стоял во главе Войска (фон Граббе, фон Таубе, кн. Святополк-Мирский и т. д.)

*) М. Шаповал.
**) М. Драгоманов.

А широкая народная казачья масса, лишенная руководства, указания своей интеллигенции, культурно-политически отсталая, была бессильна бороться с политикой Москвы, щедро награждавшей казаков ролью завоевателей, расширителей Российских границ, охранителей России от самого русского народа (1904-5 г.г.) Подчиняясь этой политике, казаки почти все свои душевные силы отдавали военному делу, войне, в ущерб своему хозяйственному, культурному делу, чем широко и умело пользовались пришлые элементы, захватывая, прибирая к своим рукам лучшие краевые экономическо-промышленные и общественно-культурные посты.

Правда, в этой военной службе казаков была одна привлекательная, положительная для казаков сторона. В этом вопросе московская политика не выполнила одно непременное условие колониальной политики, строго соблюдаемое во все времена и всеми народами, а именно: недопускание национально-территориальной системы комплектования войск.

К счастью для казаков, они служили в частях, сформированных „по национально-территориальному признаку", что всех казаков взаимно знакомило, сближало, воскрешая былую историческую традицию, роднило духовно, укрепляло казачью спайку, казачью связь, казачий дух...

Как же допустила Москва такую оплошность? Очевидно, об'яснение этому можно найти в следующем: Москва рассчитывала, что лучше — сильные, дисциплинированные национально-территориальные казачьи части, могущие поддерживать и укреплять казачий дух, связь, но вместе с тем могущие подавлять и „внутренних врагов России". Видимо, последнее соображение победило и казаки служили в казачьих частях, где, не потухая, тлела казачья Идея, поддерживалась, укреплялась и оберегалась казачья историческая традиция, казачий дух и, когда настало время, эта Идея воспылала ярким пламенем. Но за то эту „оплошность" царской Москвы ныне исправила большевицкая Москва!

В результате этой колониальной политики Москвы, методически и с большим успехом проводимой вот уже в течение двух веков, казаки в огромной своей части осуждались только на физический труд, являющийся самым низшим видом человеческой деятельности. Эта политика Москвы и логически вытекавшая отсюда искусственная задержка культурного развития Казачества, постоянное и упорное вдалбливание в головы казачьей массы, что казаки являются только воинами, „военным сословием", а не гражданами и хозяевами своей Земли, привели к поразительным результатам.

С одной стороны многие казаки уверовали в святость этого утверждения, „убедились" что это так и есть, а с другой — сами московские владыки в конце концов настолько проникались подобным сознанием, настолько уверовали в свою проповедь, что всякое возражение против подобного утверждения они стали почитать дикостью. Так, некоторые типы, в особых целях изо дня в день повторяя ложь перед людьми, в конце концов сами принимают ее за истину.

А отсюда — невозможные для нормальных людей, прямо анекдотические резолюции на ходатайстве казачьих станиц об открытии школ, кои для культурного развития всякого народа являются необходимыми так же, как необходим для человека воздух.

Например, резолюции на ходатайстве Баталпашинской станицы об открытии в станице гимназии: 1) Обер-Прокурора Святейшего Синода Победоносцева: „Согласен, гимназия вредна...", 2) Министра Народного Просвещения Сипягина на том же ходатайстве: „Казаки — военное сословие, им гимназия не нужна, удивляюсь ходатайству...", и, наконец, 3) самого Николая II: „Не понимаю, зачем казакам гимназия. Не лучше ли вместо ненужной гимназии манеж..."

Возведенная в принцип несправедливось безнаказанно не проходит. Правда жестоко отомстила людям, отняв у них разум, лишив их понимания самой простой, элементарной вещи. И они в священном негодовании восклицают: „удивляюсь", „не понимаю" зачем этим казакам-„разбойникам" понадобилась гимназия; им „не нужна", им „вредна" гимназия, эта естественная потребность человека учиться, развиваться. Наконец, это и „опасно", они могут осознать свою собственность, свои особые казачьи интересы. Поэтому нужно искусственно задерживать их развитие, насильно загоняя в „манеж".

Таково было печальное положение казаков на своей Родной Земле в недалеком прошлом. Еще ужаснее их положение теперь в царстве Сталина. Но гораздо худшее сулят казакам чающие „Великой России". Эти люди, ничего не забывшие, ничему не научившиеся, собираются зажать казаков в бараний рог, когда у них будет сила.

Но, нужно всем казакам приложить все свои усилия, действовать единым кулаком, чтобы эти угрозы остались только угрозами.

Что нужно для этого?

Необходимо, чтобы казаки сами взяли в свои руки управление общественным процессом в Казачьих Землях в области хозяйственной, культурной, политической; чтобы осуществление социальных функций перешло к самим казакам, чтобы духовное и физическое обслуживание города и страны принадлежало самим казакам; чтобы инженеры, техники, учителя, судьи, доктора, работники в торговле и промышленности — купцы, директора, финансисты, банкиры и т. д. — были казаки, чтобы профессора и студенты в высших, средних и низших школах были казаки...

Как это сделать? Об этом необходимо всем казакам сообща подумать и всем вместе искать такого пути, который приблизил бы к осуществлению этих целей. Прежде всего, конечно, нужно общим усилием и всеми средствами добиваться освобождения своих Родных Краев от московско-большевицкого владычества и восстановления казачьей Власти.

Пусть не смущают „демократы" разной масти простодушных казаков пресловутым демократическим принципом, постоянным и упорным криком и указанием на то, что на Казачьих Землях казаки уже в меньшинстве и что, мол, решение казачьих вопросов против воли неказачьего большинства будет попранием священного демократического принципа. Всуе глаголите...

Разные „радетели" казаков в течение веков, не смущаясь и не боясь, попирали казачьи права, резали живое казачье тело, посылали на плаху лучших сынов Казачества. А теперь „демократическим принципом" подводится моральное и юридическое обоснование под эти бесконечные грехи, надругательства над Казачеством.

Но, это, конечно, не значит, что теперь казаки уже должны резать живое неказачье тело, попирать человеческие права неказаков, а всего только значит, что при решении вопроса о незыблемом праве казаков на роль хозяина на своей Земле голый, формальный, отвлеченный, чисто арифметический „демократический" принцип — негодное средство. При решении этого основного, коренного вопроса, вопроса построения Казачьего Дома, Казачьего Государства казаки имеют преимущественное право (высшее право — Jus maxima) решать его в интересах своих и той части населения Казачьих Земель, какая пойдет с Казачеством. Это не будет нарушением права неказаков, а просто механическим, справедливым восстановлением казачьего права, некогда силою оружия, всевозможными ухищрениями и махинациями нарушенного московскими царями, ибо силою нарушенное казачье право ни на один момент не переставало быть правом.

Тем более казаки имеют право не считаться с волею, желанием тех пришельцев, что наводнили Казачьи Земли при большевиках. Это не значит, что казаки отвергают демократический принцип, — казаки от природы являются подлинными демократами и они, несомненно, в управлении своей государственной и общественной жизнью будут неизменно руководствоваться этим принципом, будут охранять и укреплять его лучше, чем все „бумажные" демократы вместе взятые.

Т. Игнатович.

Казачество и горский вопрос.

(Окончание).

Следующие, пятый и шестой пункты горской программы трактуют вопросы строительства государственной жизни горцев и ставят постулат вхождения, независимого Северного Кавказа в состав независимой Кавказской Конфедерации.

Приступая к оценке этих положений, считаем необходимым, во избежание каких бы то ни было недоразумений, сразу же установить принципиальную нашу позицию. Она не может быть иной, как лишь логическим развитием выше сформулированного отношения казачества к основному вопросу о самоопределении горских народов Северного Кавказа. — Решать горские государственно-политические вопросы может не кто иной, как только сами горцы, свободно выявленной волей, после свободного обсуждения аргументов за и против. Каковы бы ни были эти решения — соседние народы, в том числе и Казачество, могут определять свое отношение к ним лишь как фактом совершившимся. Всякое постороннее влияние, особенно аргументированное физической внешней силой, должно считаться недопустимой интервенцией в горские дела. Нам подобные тенденции совершенно чужды.

Казачество должно остановить свое внимание на горской государственно-политической программе не для того, чтобы заставить горцев переделать ее по казачьему вкусу, а для того, чтобы, сопоставивши программу горскую с программой казачьей, найти пути и способы к мирному разрешению возможных расхождений этих программ.

Горцы декларируют устроение своей государственной жизни на широких демократических основаниях в теперешнем европейском смысле этого слова.

Подобное направление горской политической мысли можно только приветствовать, ибо Казачество, само устроя свою государственность на тех же демократических идеях, сможет легко найти общий с горцами язык во всех междусоседских вопросах. Принятие горцами идей европейского демократизма должно считаться гарантией того, что при создании горского государственного организма, не будет нарушена свободная воля, как негорского населения так и отдельных горских народов. Свободная воля народов и племен северного Кавказа войти в горское государство или выйти из него, свободное решение вопроса о таких или иных отношениях к соседним государствам — это главные положения в реализации идей демократизма. Им нисколько не противоречит тот неизбежный факт, что при государственном строительстве воля экстерриториальных рассеянных меньшинств должна лояльно подчиниться воле территориального компактного большинства.

Столь ясные и положительные постулаты пункта V в значительной степени затемняются формулировкой положений пункта VI программы. Горцы провозглашают идею своей государственной независимости. Против этого нечего возразить. Но, есть что возразить против того, что они свое горское государство обозначают и в этом и в других случаях неясным термином „Северный Кавказ". Что подразумевают горцы под этим термином? Понятие географическое, т. е. пространство на север от Кавказского хребта между Черным и Азовским морями на западе и Каспийским на востоке? Понятие административное в дореволюционном имперском смысле — Кубань, Ставрополь, Терская область, Дагестан? Или современный советский Северо-Кавказский Край? Фактически ведь горцы населяют лишь часть Северного Кавказа (в любом из указанных пониманий) — главным образом лишь северные склоны Кавказских гор.

Употребление столь широкого термина как Северный Кавказ — для горцев и их государственности совершенно неприменимо. Оно вносит ненужную неясность и путаницу в сам по себе ясный вопрос горской государственности. Ведь историческое название существовавшей в 1918—1920 годах „Республики Горцев Северного Кавказа" имеет совсем иной смысл чем „Северный Кавказ".

Терминологическая неясность программы несомненно находится в психологическом родстве, как с самогипнозом горской постановки реемиграционного вопроса в полуторамиллионном об'еме, так и с неясностями территориальных программ (пункт XI).

Вред подобной терминологической путаницы при реализации горской государственности ясен сам по себе. Казачество радо видеть на горских землях Северного Кавказа горскую государственность, но против введения туда и северокавказских земель казачьих несомненно будет решительно бороться.

Положение о вхождении Горского Государства в состав Кавказской Конфедерации для нас психологически вполне об'яснимо. Горцы в борьбе с российским империализмом сознают недостаточность своих собственных сил и стараются увеличить их, входя в союз со своими непосредственными соседями Грузией и Азербейджаном. Этому оборонительному кавказскому союзу пункт VI пытается придать даже характер общекавказской солидарности, основанной на общности исторической судьбы народов Кавказа и их взаимной экономической заинтересованности и связанности. Дается также конкретная программа реализации Кавказской Конфедерации. Оффициальные представители Горцев, Грузии и Азербейджана в настоящее время уже исполняют эту программу, совместно выступая на международном форуме и входя в союзные соглашения с представительствами Украины и Туркестана. Таким образом, тезис о вхождении горцев в Кавказскую Конфедерацию — политический факт нынешнего дня и весьма возможное направление политики будущего.

С точки зрения казачьих интересов создание конфедерации Кавказских государств должно считаться явлением весьма желательным. Урегулирование сложнейших внутренних кавказских взаимоотношений, создание и об'единение сил экономических и милитарных для реального включения Кавказа в общий антиимпериалистический фронт народов, — все это, несомненно, значительно облегчило бы положение и задачи и Казачьих Земель. Вхождение в Кавказскую Конфедерацию и Горцев Северного Кавказа тоже, при некоторых обстоятельствах, должно считаться вполне приемлемым. Однако, столь явная желательность для Казачества реализации Кавказской Конфедерации не может заставить Казачество уклониться от трезвой оценки реальных обстоятельств и возможностей ее. Казачья политика может учитывать только реальные возможности, а нисколько не желаемые невозможности.

К числу последних, к сожалению, есть много данных отнести и идею Кавказской Конфедерации.

За возможность Конфедерации говорит прежде всего и к сожалению почти исключительно необходимость об'единить слабые силы малых кавказских народов для оборонительной войны против колоссальных сил враждебных империализмов — в этом заключается главный цемент Кавказской солидарности. Обозначенная в горской программе общность исторической судьбы народов Кавказа и их взаимная экономическая заинтересованность и связанность, может быть принята, как элемент солидарности только со значительными оговорками... Иных данных за конфедерацию трудно найти в прошедшей и настоящей политической жизни; не видно их покамест и в ближайшем будущем.

Зато можно до бесконечности перечислять обстоятельства, указывающие на невозможность Кавказской Конфедерации. Уже главный „оборонительный" аргумент за Конфедерацию не может считаться решающим. Силы кавказских народов, даже об'единенные, настолько малы в сравнении с силами Империалистической России, что всякая борьба один на один для Кавказа совершенно безнадежна. Кавказские народы могут отстоять свою государственность только в широкой международной системе, только при благоприятном международном по-

ложении. В этом случае будут ли они конфедерированы между собою или нет совершенно безразлично подобно тому, как в настоящее время не имеет значения отсутствие конфедерации у прибалтийских государств: Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы...

Идея Кавказской Конфедерации не нова. Уже в 1918—1920 годах были пробы ее реализации, однако действительность все конфедеративные построения жестоко разбивала. Основной причиной невозможности Конфедерации, по нашему мнению, является невозможность согласовать политические линии трех главных народов Кавказа: Грузин, Армян, и Азербейджанских Тюрок. В силу исторических, национальных и религиозных обстоятельств политика Азербейджана всегда будет туркофильской. — Армяне, лишенные турками отеческой земли, всегда будут крайне враждебны к Турции и будут ориентироваться на всех возможных ее врагов. Грузия могла бы занимать нейтральную позицию в том лишь случае, если бы отказалась от грузин-магометан, населяющих в Турции территории вплоть до Трапезунда... К этому присоединяется национальная черезполосица и результат ее — перманентная армяно-грузинская и армяно-тюркская борьба.

Идея Кавказской Конфедерации, без участия в ней Армении, по нашему мнению совершенно неисполнима. Географическое и политическое положение Армении на Кавказе подобно значению камня-замка в конструкции каменной арки или свода. Без этого камня-замка, без Армении, великолепнейшие планы Кавказской Конфедерации останутся навсегда лишь мечтой, политическим миражем осужденным исчезнуть без следа при легчайшем дуновении ветерка...

Нет сомения в том, что при известном международном положении, за прикрытием с севера Украиной и Казачьими Землями, Кавказские народы смогут создать свои самостоятельные государства. На возможность же создания ими Конфедеративного об'единения следует смотреть весьма и весьма скептически. Современное об'единение представительств Грузии, Азербейджана и Горцев Северного Кавказа в конкретной политической работе на международном форуме, явление, конечно, вполне положительное, однако было бы большой ошибкой придавать ему значение не временное, тактическое, а принципиальное и на долгий час действенное.

Горцы Северного Кавказа, связывая свою государственно-политическую программу именно с идеей Кавказской Конфедерации, делают это, нам кажется, несколько опрометчиво, во всяком случае преждевременно. Ведь для горской государственности путь в Кавказскую Конфедерацию не является путем единственным. Возможны ведь пути иные, может быть, более реальные, более выгодные.

Горцы, отделенные могучею стеною Кавказского горного хребта от народов Закавказья, политически совершенно чужды основным вопросам и направлениям национальной жизни и Грузии, и Армении, и Азербейджана. Указанная в горской программе общность исторической с дьбы народов Кавказа — это нечто иное, как общность всех вообще покоренных народов бывшей Российской Империи. Взаимная экономическая заинтересованность и связанность горцев с Закавказьем нисколько не больше хотя бы например с казачьей пшеничной степью. Эта хлебная связь с Казачьими Землями, реально существующая у всех горских народностей, является совершенно исключительною у всех Горцев, вплоть до самого Дагестана. Если с политической и экономической точки зрения еще можно было бы найти некоторые аргументы за вхождение в Конфедерацию Горских народов Дагестана, Чечни, Ингушетии и отчасти Осетии, то для остальных горцев конфедерирование с Закавказьем значило бы полную экономическую гибель их из-за пресечения непосредственной жизненной связи со степью, возделываемой казачьим и крестьянским плугом.

Горцы жмутся к Закавказью лишь с отчаянья, исключительно потому, что в казачьих Северо-Кавказских степях, видят только враждебный лик империалистической России. Горская программа совершенно не учитывает того, что действительным северным соседом Горцев является уже не Россия, а Казачество, вольное, строящее на своих Землях свой дом... За этим домом Горцам, как за горою... Не отворачиваться, не отгораживаться от Казачьих Земель, а полюбовно, добрососедски сговариваться об общих делах с Казачеством — вот, по нашему мнению реальная государственно-политическая программа для горцев на сегодня, а главным образом на близкое уже завтра...

Горцы в своей борьбе за независимость, для обеспечения ей верного успеха помимо указанной в пункте VII программы внешней поддержки со стороны Украины и Туркестана, непременно должны заручиться также поддержкой Казачества. Ведь Туркестан и Украина лежат за морями, а Казачество живет с горцами вместе бок-о-бок. Платоническая любовь и поддержка издалека — хорошая вещь, но мирное, счастливое сотрудничество в ежедневных трудовых буднях куда лучше и нужнее. Этому сотрудничеству с казачьей стороны совершенно нет каких бы то ни было препятствий.

Горская программная (п. VIII) предпосылка к взаимному соглашению, именно признание безоговорочного права на самоопределение за Кавказом, в том числе и Северо-Кавказскими горцами, является для Казачества положением само собою понятным и приемлемым.

Покорять кого либо силой Казачество не собирается, как не допустит, чтоб и его самого силой покоряли. Казачья интеллигенция, подобно горской тоже ныне сама формулирует свои национальные задачи и согласовывает их с задачами соседних народов.

Обмен экономическими ценностями между Казачеством и Горцами вполне возможен без насилия, грабежа и эксплоатации на свободных договорных основаниях. Главным природным богатством, которое могло бы стать достаточной базой для экономического развития и благосостояния Горцев, являются богатейшие источники нефтью. Однако, горцы до сих пор мало имели пользы от этих богатств ибо и поныне эксплоатация нефти находится исключительно в руках оккупантской большевицкой власти или чужеземного капитала, — горцы же в лучшем случае лишь чернорабочие...

Такое положение явно несправедливо и жизненные интересы горцев настоятельно требуют обращения доходов с добычи нефти в пользу самих Горцев. Горские Земли столь нуждаются во вкладе на их мелиорацию крупного капитала, культурная отсталость горцев требует таких решительных мероприятий в сфере школьного строительства, что единственным источником, могущим удовлетворить этот финансовый голод является только нефть. Добыча нефти, сбыт ее на ближайшие огромнейшие рынки Земель Казачьих и Украины — вот основная хозяйственная база горской самостоятельности и культурного процветания. Казачеству, заинтересованному в беспрепятственном и возможно широком и льготном потреблении кавказской нефти гораздо выгоднее мирно договориться в экономических вопросах с горцами, чем вести с ними из-за нефти борьбу. Подобная борьба со стороны горцев велась бы несомненно с крайним ожесточением, в полном смысле этого слова на жизнь и на смерть и в конечном итоге дала бы выигрыш лишь третьей силе — международному капиталу.

———

Нам остается остановиться еще на самом неясном, самом слабом, по нашему мнению, пункте горской программы — одиннадцатом, охватывающем вопросы территориального обозначения горской государственности. Выше мы отметили уже, что причины такой неясности горской территориальной программы лежат в неправильной, черезчур широкой постановке реемиграционного вопроса и в связанной с этим путанице в употреблении термина „Северный Кавказ“. Кроме того, не малое значение тут имеет и стремление горцев исправить учиненную им Россией несправедливость. Россия, завоевавши горцев, отобрала у них действительно много земли, население горское в огромных массах заставила эмигрировать, а опустевшие горские земли заселила негорцами. После упадка Российской Империи и при возрождении горской самостоятельности, у горцев явилось вполне понятное желание возвратить себе назад когда то силой у них отобранные земли и обес-

пенить ими потомков изгнанных из родной земли горцев. Такова психологическая подкладка максимальной территориальной горской программы по Кубань и по Куму. Обоснованием этой программы служит историческое право горцев на отобранные у них земли. Реализация этого права имела бы происходить по образцам, существующим в Европе, напр., подобно возвращению от Германии к Франции Эльзас-Лотарингии, к Польше Познанских земель и т. п. Однако, уже то обстоятельство, что подобная максимальная программа никогда не была горцами оффициально провозглашена, ясно указывает на то, что горцы сами понимают невозможность ее осуществления. Действительно, если и можно было бы считать исполнимою задачу возвращения французского характера Эльзас-Лотарингии, так ведь там нужно принять во внимание значение и силу сорокамилионной Франции, диктовавшей в Версале условия побежденному врагу. Какая диспропорция положения сил и возможностей тут, у горцев, по сравнению с ее северными непобежденными соседями! Нет и не может быть такой физической силы, которая могла бы возвратить горцам их земли, отнятые и заколонизированные б. Россией. Это историческая несправедливость, но несправедливость уже неисправимая. Попытка насильного выселения миллионов негорцев стала бы новой несправедливостью, очагом новой борьбы народов.

После ликвидации оккупационной большевицкой власти на землях Северного Кавказа горцы и казаки должны будут произвести взаимное размежевание отнюдь не по историческому принципу давности владений, — это могло бы привести и к давностям княжества Тмутараканского... Единственным возможным принципом справедливого и мирного размежевания является принцип этнографический, с неизбежными поправками природно-географическими, экономическими и иными, установленными по взаимному соглашению или плебисциту среди населения. С этой точки зрения для Казачества более приемлемой является так называемая минимальная горская программа, обозначенная в пункте XI.

Однако и она требует значительного утончения.

Прежде всего в состав отдельного горского государства, не могут быть вводимы территории горских племен Кубани, а именно области: Черкесско-Адыгейская, Черкесская и Карачаевская. (См. таблицу и карту в №. 37 „В. К.“: IV, V, VI). Все эти области являются ныне незначительными горскими островками среди казачьего моря, территориально изолированными от остальных горцев Северного Кавказа. Население этих областей в годах 1917—1920 не принимало совершенно участия в строительстве Республики Горцев Северного Кавказа, а вошло в политическое соглашение с Кубанским Казачеством. В виду принципиальной важности подобного явления позволим себе привести здесь его оценку, произведенную кубанским черкесом известным общественным и политическим деятелем г. Муратом Хаттогу в статье „Рада и Горцы“, помещенной в пражском журнале „Наш Край“ №. 1 за 1927 г. Вот что он говорит:

Необходимость соглашения с кубанским казачеством и целесообразность вхождения в Краевую Раду в свое время у горцев Кубани вызывали большие сомнения. Высказывались опасения, что горцы, будучи в значительном меньшинстве в Раде, не смогут в ней отстаивать свои интересы и окажутся в полной зависимости от казачьего большинства. Не отрицая основательности этих опасений, сторонники соглашения доказывали, что для предотвращения надвигающейся на Край анархии, и предупреждения возможной межнациональной войны, необходимо войти в Краевую Раду и положить начало мирному сотрудничеству с казачеством. Тем более это нужно сделать теперь — говорили они, — когда само кубанское казачество первым обращается к горцам с призывом забыть печальное прошлое и приступить к совместному строительству Кубани. Наступило удобное время, чтобы раз на всегда ликвидировать старую вражду, так много зла принесшую прежде всего горцам Кубани. Общий Горский с'езд в ауле Хакуриновском, Майкопского отдела, состоявшийся в августе 1917 г., согласился с доводами сторонников соглашения и вынес соответствующее постановление. Вскоре был заключен казаче-горский союз и горцы вошли в Краевую Раду. К чести Кубанской Краевой Рады необходимо отметить, что за все время ее существования горцы ни разу не имели повода быть недовольными. Опасения противников вхождения в Раду не оправдались. Рада ни разу и ни в чем не ущемила интересов горцев. Наоборот, она с особой внимательностью отнеслась к желаниям горцев и зачастую стремилась их предупредить. Не было на Кубани ни одного правительства, в состав которого не входил бы горец. Не было послано ни одной делегации без участия в ней горского представителя — Краевая Рада сумела в короткий срок внушить к себе доверие со стороны горцев Кубани. Бывалая вражда между казаками и горцами постепенно отходила в область неприятных воспоминаний...“

При такой оценке казаче-горских взаимоотношений на Кубани, вхождение западных горцев в состав казачьей государственности получает помимо технических и все моральные основания.

Следующею на восток от Кубанских горцев Горскою областью является Кабардино-Балкарская (см. карту и таблицу VII). Эта область, подобно горским областям Кубани тоже должна будет войти в состав казачьего государства. Необходимость такого, а не иного решения вопроса основывается на следующих соображениях:

1. Кабардинцы являются частью единой племенно-языковой группы Черкесско-Кабардинской (см. табл. №. №. 111. 112, 113). Государственно-политическое разобщение их с черкесами, абадзинцами и кабардинцами Кубани было бы для них вредно с культурно-национальной точки зрения. Процесс национального уплотнения всей группы и создания единого литературного языка был бы до чрезвычайности утруднен территориальным раздроблением.

2. Экономически население Кабардино-Балкарской области крепчайшим образом связано с курортным районом Пятигорска, находящимся на территории соседнего казачьего Терского округа с абсолютно негорским населением (см. цифровые данные о населении Терского округа в большой статистической таблице И. А. Билого „Казачьи Земли“). Отделение от этого курортного района принесло бы скотоводческому хозяйству Кабардинско-Балкарской области совершенную катастрофу.

3. Кабардино-Балкарская область помимо того, что разделяется на часть населенную Балкарцами VII. 2. и части населенные Кабардою большою VII 1, 5, 6, 8. и малою VII 4. имеет еще два района: Прималкинский VII 7 и Казачий VII и город с преобладающим горским населением. При такой раздробленности территории и национальной черезполосице Кабардино-Балкарской области единственным выходом является включение в однопламенный комплекс горцев Кубани.

Таким образом, весь Черкесско-Кабардинский комплекс западных горских племен и земель в казачьем государстве составил бы:

Черкесско-Адыгейская область 112.767 душ; Черкесская 36.951 душ, Карачаевская 64.579 и Кабардино-Балкарская 203.776. Итого населения 418.073 душ, в том числе горцев 303.671 душа.

Северо-Осетинская область VIII с городом Владикавказом тоже навряд ли останется в составе Горской Республики Северного Кавказа. Национальные интересы осетин настоятельно требуют соединения Северной Осетии с Южной, входящей на автономных основаниях в состав Грузии. Осетин в Закавказьи насчитывается 114.450 душ, что в соединении с 128.321 осетином в С. Осет. области и 10.729 душ во Владикавказе составит довольно внушительную цифру 253.570 душ. Все же население об'единенных областей Северной и Южной Осетии и Владикавказа составит сумму до 350.000 душ. Вопрос территориально-политического об'единения осетинских областей уже и сейчас ставится осетинами вполне определенно. Областные правительства, как Северной, так и Южной Осетии возбудили ходатайство перед Правительствами Закавказской Ф.С.С.Р. и союз-

ным С.С.Р. о включении Северной Осетии в состав Залавказской Федеративной Республики. До сих пор центральное большевицкое правительство препятствует соединению Осетинских областей, однако вне всякого сомнения, что раз появившаяся жизненно оправданная тенденция раньше или позже достигнет своего осуществления.

Следующие территории, составляющие географическое продолжение казачьего Терского Округа, несомненно войдут в состав казачьей государственности это: I Сунженский округ, затем Ачикулакский и Кизлярский округа Дагестанской С.С.Р. по левому берегу Терека. Население этих округов подавляюще казачье, исторически давно тут осевшее и включено в состав собственно горских областей Северного Кавказа лишь несколько лет тому назад хитроумной политикой большевиков.

При таком уточнении, собственно горская государственная территория реально очерчивается в составе областей: Ингушетии, Чечни с городом Грозным и Дагестана. Весь этот комплекс обнимает 1.069.419 душ населения, в том числе 998.689 душ горцев. Однако, и эти цифры нельзя считать для Горской Республики окончательными. Дело в том, что современная административная граница между Дагестаном и Азербейджаном, разделила некоторые горские племена и в интересах их национально-культурной консолидации лежит урегулирование в ту или иную сторону Горско-Азербейджанской границы. К таким переполовиненным народам принадлежит прежде всего Лезги, коих в Дагестане 90.509 душ, а в Закавказьи 40.709; Авары — их в Дагестане 138.749, в Закавказьи 19.105; Цахуры — в Дагестане 3.531, в Закавказьи 15.552 и несколько других более мелких.

С задачей государственно-территориального размежевания неразрывно связана задача ликвидирования вредной национальной черезполосицы на Северном Кавказе особенно важно потому, что она является особенно сильным препятствием для уплотнения и культурно-национальной консолидации и без того до крайности раздробленных горских племен. Совершенно справедливы нарекания горцев на политику царского правительства, сознательно разрезывавшего негорскими колонизационными линиями целостные горские территории. При окончательном государственном отграничении Горской Республики широкое применение права включения или принудительного даже обмена населением единственный выход из создавшегося положения.

Все, однако, подобные мероприятия могут быть исключительно результатом взаимного соглашения. Так широко к сожалению, практиковавшийся в армяно-турецких и горско-турецких отношениях метод взаимного вырезывания населения, не может быть допущен для уничтожения черезполосицы на Северном Кавказе.

Мы потому так обстоятельно останавливались на вопросе территориального определения Горской Республики, что вопрос этот не является только внутренним горским вопросом, недопускающим постороннего вмешательства. Нет, поскольку расширение или сужение государственных границ отражается на непосредственных соседях, то установление их дело не внутреннее одностороннее, а внешне обустороннее. Неясностям территориальной программы Республики горцев Северного Кавказа мы противопоставляем ясные, законные интересы казачьи и тех горских племен, коим судьба присудила жить с Казачеством под одной государственной крышей. В интересах Казачества создать такие условия для этих горских племен, при которых они в казачьем государстве чувствовали себя не чуждыми, униженными пасынками, а верными, любящими сынами.

За горцами, для которых есть фактическая возможность создания собственного независимого государства, Казачество должно вполне искренне признать полную свободу, как внутреннего строительства, так и внешних политических союзов и ориентаций. Желателен общий Кавказский союз государств, но если обстоятельства и не позволят ему осуществиться, то все же отношения Казачества к отдельным Кавказским государствам, в том числе и к горскому, не могут быть иными, как только вполне дружественными.

Препятствия к осуществлению казачьих идеалов совершенно те же, что и у горцев. Путь тоже один: вера в правоту своего дела и взаимная дружеская поддержка.

Ис. Быкадоров.

Происхождение казачьих фамилий.

(Из материалов о происхождении казачества).

Тождественно русским, большинство казачьих фамилий оканчивается на: **ов, ев, ин.** Для многих это дает основание предполагать и даже утверждать, что предки носителей таких фамилий были русскими (великороссами). Из этого делается исключение предположением, что предки носителей таких фамилий, как: Персиянов, Персидсков, Грузинов, Мордвинцев, Греков, Туркин и т. д. были не русскими, а представителями народностей, соответственно указанию самой фамилии. Но этим положением вопрос о казачьих фамилиях, в действительности, далеко не исчерпывается.

Фамилии с окончанием на — **ов, ев, ин** более древнего происхождения, чем сама русская (великорусская) народность, образование которой, как известно, началось всего с XIII в. по Р. Хр. Так, во 2-м договоре Киевского князя Игоря с греками, (912 г.) в списке его послов и гостей (купцов) встречаются такие фамилии (прозвища): Фастов, Кари(й), Тудков, Каршев, Тудоров, Свирьков, Войков, Бернов, Гунарев, Колоклеков, Гудов, Туадов, Куци(й), Вузлев, Утин, Синко, Борич.

Такие фамилии и им подобные, встречающиеся в позднейших исторических документах, устанавливают, что указанные выше окончания в фамилиях не только были обычны для населения Киевской Руси, предков украинцев, но, что и фамилии от иноземных, не славянских слов (Берн, Туад, Тудор, Фаст) принимали окончания ов и тем ославянивались.

Эти данные и то, что с указанными выше окончаниями фамилии обычны и до настоящего времени на Украине, дают основания утверждать, что они не являются творчеством великоросов, а позаимствованы, как и большая часть культурных основ, от Киевской Руси; у великороссов образование фамилий с окончанием на **ов, ев, ин** достигло лишь наибольшего развития, — эти окончания легко заменяют другие (ий, ей, ой) или легко прибавляются к любым и не русским словам.

У болгар фамилии с окончанием **ов** и **ев** обычны теперь, как обычны были и в древности.

А если это так, то мы вправе предполагать, что такие окончания в фамилиях были обычными и у славяно-тюркского населения Казакии (после Тмутараканского княжества, откуда и образовалась казачья народность). Были они и позже, и только со времени владычества русских (великоруссов), т. е. за последние 2 века достигли наибольшего развития.

У казаков фамилии на **ой, ий, ей** изменяются в — **ов, ев**; другие окончания изменяются в **ин,** а к окончанию **ко** прибавляется звук **в**: Сулацк(ий)ов, Кадацк(ий)ов, Нагиб(а)ин, Рынд(а)ин, Жученко+в, Семенченко+в, Позд(ей)еев, Шульг(а)ин.

У поляков обычны окончания фамилий — **ий, ич, ек;** свойственны они и украинцам.

Сохранившиеся такие окончания казачьих фамилий (или замененные) указывают, что предки носителей таких фамилий были — или украинцы, или поляки: (Калиновский, Буковский, Левицкий, Кохановский, Щетковский, Хрещатицкий, Кадацков, Курганский).

Окончание фамилий (прозвищ) на **ко**, как видно это из документа 912 г. и других, очень древнего происхождения. Окончание **ко** (великороссами было позаимствовано и превращено в ка — Ивашка, Ёомка и т. д.) в Русском (Киевском) государстве (позже у преемницы

ее — Украины) обозначало младшую степень, подчиненность, меньшую часть предмета.

Так, в Киевской Руси окончание **ко** прибавлялось иногда к именам князей (Володимирко, Василько, Юрко), не имевших уделов (изгоев), т. е. подчиненных; но никогда не прибавлялось к именам Киевских стольных князей.

На Украине сын или внук Тараса, Шевчука, Бульбы, Остапа назывался обычно Тарасенок, Шевченок, Бульбенок, Остапенок, а отсюда уже и образовывались и фамилии — Тарасенко, Шевченко и т. д.

Такие образования, можно предполагать, сначала были свойственны преимущественно западным областям Украины; в поднепровской же части, где было более интенсивное приселение тюркских народностей, преобладало окончание **ый, ой, ей, а, ас**; причем, все они тюркского происхождения.

Окончание ей (Кундувдей, Палей, Кочубей, Берендей и т. д.) очень часто изменялось в окончание **еев**.

Так, из многих документов, устанавливающих вступление в ряды донского казачества в конце XVI в. и в первой половине XVII в. отдельных представителей украинского народа, из поднепровской его части, в казачьих и московских документах называемых черкасами, фамилий на **ко** почти не встречается. Так, в списке таких черкасов от 1647 г., вступивших в ряды казачества, из 200 с лишним фамилий нет и десятка с окончанием на **ко**, а приимущественно на ов, ев. (Купреянов, Харитонов, Нагиб(а)ин и т. д.).

Развитие фамилий на **ко** на Украине, во второй половине XVII в. в приднепровской части ее (к востоку от Днепра) и при образовании Слободской Украины в конце XVII ст. обязано, можно полагать, колонизации из западных областей ее.

Было бы нелепым полагать, что предки носящих фамилий — Ованесов, Чебукчиев, Биг(ай)ев и т. д. или даже сами они, являются русскими. Обратно, если бы мы прибавили окончания ов, ев, или **ин** к фамилиям — Гримм, Врангель, Струве и т. д., то все равно не скрыли бы, что предки носителей таких фамилий были шведы, немцы или представителем другой какой-нибудь национальности, но не русской.

Обратно, прочное существование окончания **ов** и **ев** даже кажущееся обрусение фамилии не может скрыть, что предки носителей фамилий — Милюков, Чувильд(ей)еев, Турген(ь)ев, как устанавливают сами слова и исторически документами, были татарами. Подтверждением тому часто бывает и сама внешность, характер носителя такой фамилии. В таком случае может лишь возникать вопрос, когда или какой предок или сам владелец такой фамилии стал русским (великороссом).

Очень многие фамилии казаков (в некоторых станицах они являются преобладающими), имеют основой слова не славянского происхождения; приведем, как пример: Мержан-ов, Катасон-ов, Мишустов, Коломан-ов, Кульгач-ев, Дукмас-ов, Менделе-ев, Галд(а)-ин, Каклюг(а)ин, Малюг(а)ин, Араканцев, Секрет-ев, Туровер-ов, Болдыр-ев, Кунделек-ов, Бирюк-ов, Кудин-ов.

Определение от какой народности позаимствовано слово, или принесено оно как фамилия, устанавливается очень часто и национальность предка носителя такой фамилии; это иногда подтверждается и историческими документами. Так Мержан (родоначальник, вероятно, носителей этой фамилии) — был родом араб, вышедший вместе с донскими казаками из турецкого плена в 1640 г.; он принял христианство и стал донским казаком. Мисустов — фамилия черкесского княжеского рода, существовавшего еще в середине прошлого столетия Менделеев происходит от калмыцкого слова — менделе (здравствуй-ся). Кунделековы, как устанавливается документами, происходят от калмыцкого мурзы, принявшего христианство и ставшего казаком, в первой половине XVIII в. Галда — калмыцкое имя; происхождение от калмыка подтверждают и черты лица носителей этой фамилии и семейное предание.

Ошибочно было бы считать, что фамилия Секретев происходит от французского слова — секрет (тайна); по татарски секреть — название особой породы рыбы; это название существует и у казаков. Фамилия Туроверов образовалось из 2 слов: тюркского и славянского: тур (дур) — неправильный, неверный; туровер в буквальном смысле — человек неправильной веры, иноверец. И, как я слышал от одного из представителей рода Туроверовых, семейное предание говорит, что предком их был перс. Фамилия Араканцев происходит от слова Арак(с) араканец — выходец из Арака, может и из Аракса.

Иногда тюркские и другие слова, послужившие основой для образования фамилии, кажутся славянскими. По такому сходству было бы ошибочным утверждать, что предки носителей фамилий — Харламов, Боков, Веденеев были русскими (великороссами). Так, если бы фамилия Харламов образовалась от имени Харлампий, то было Харлампиев; по калмыцки: хар — черный, лам (е) священник, в буквальном переводе харлам — монах. Боковы происходят от калмыцкого мурзы — Бока, существование которого и переход в казаки после принятия христианства устанавливается документами первой половины XVIII в.

Веденеев образовалось от слова — ведене, каким называет на своем языке себя мордва.

Внешность и характер очень часто являются подтверждением, иногда и вне зависимости от изложенного устанавливают национальность предков казака.

Казачья народность сложилась из славянской (руссов) и тюркской (казаков-черкасов), живших на территории Казакии, позже в пределах образовавшегося из нее Тмутараканского княжества.

Если мы примем во внимание, что в Киевской Руси у части населения ее — черных клобуков (поднепровских черкасов, народности тюркского происхождения), как видно из летописей, фамилии предводителей имели в основе слова тюркские (Лавор, Тудор, Кундувдей, Аркашара и т. д.), то мы вправе предполагать, что и у предков донских и прочих казаков фамилии (прозвища) в основе имевшие слова тюркские были обычными на ряду с фамилиями, имевшими славянские корни.

Во время владычества монголов, во времена пребывания донских казаков в составе Золотой орды (XIII — XIV в.) тюркско-татарский язык для всего Востока Европы являлся государственным, а у донских казаков, живших в непосредственной близости от татар, тесно связанных со столицей ее — г. Сараем, являлся на ряду со своим славянским, и разговорным.

До возникновения Вольного Казачества (ухода в Дикое поле и за него) и образования им независимых республик (войск) в XV ст., донские казаки, жившие по рубежам Московского и Рязанского княжеств и служившие как ратная пограничная сила, были в общении с соседями с тюркско-татарскими народами и не забывали их язык. Для донских казаков, сохранившихся на территории Казакии — по р. р. Хопру и Медведице (Салаваске) с притоками и в низовьи Дона (у азовских казаков) на ряду с своим был в употреблении язык и тюркско-татарский.

(Окончание следует).

Обращаем внимание наших читателей и корреспондентов на перемену адреса редакции „В. К.“

В. П. Елисеев (В. Петров). (*Румыния*)

Песни и песенки.

„Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...“

(Ф. Крюков. Родимый Край).

Песни...

Когда начиналась русско-японская война, я был маленьким. И потому про проводы на „войну“ Ивана Ивановича Кострюкова и Алдокима Шпунтикова, я узнал только тогда, когда, возвращаясь из „вершины“ хомутка с „обычайкой“ (которою я накидывал рыбу в обмелевшей хуторской реченке) и с заснувшими в торбе красноперками и скользкими линями, нечаянно наткнулся на целый хутор, собравшийся возле Кострюкова двора.

На улице стоял развод с будкой, сплетенной из молодой талы и покрытой поверх лантухом. В будке лихорадочно копошились жены „служивых“ („односумки“, „жармелки“, так, я узнал тогда, они называются). „Односумки“ поспешно забивали чувалами „сдобных“ сухарей и без того давно уже забитую всякими харчами будку.

Дядя Богдан беспрестанно палил из ружья. — Пали, дядя Богдан, — говорили ему казаки. — Пали. Это не на „службу“ идут, а на „войну“. И дядя Богдан, наскоро заряжая ружье (помню, аж шомпол сломался), палил и палил. Да все норовил по „строевым“ коням. То под ноги им, то между ух. — Для обстрела, — говорил он, — чтоб пуль не боялись.

А в курене Кострюковом, под святыми сидели сами „служивые“ — Иван Иванович и Алдоким Шпунтиков. На них были белые, „майские“ рубахи и желтые ремни через плечи — шашки. По сторонам „служивых“, на лавках — родственники. На столе, заставленном рюмками, бутылками и четвертными бутылями, были бугры всякой с'едобной всячины (мне больше всего бросился в глаза остовый мед на чайных блюдечках и покупные консервы, в жестяных коробочках, с картинками на них).

Посреди зала, лицом к „служивым“ и родне стоял отец Ивана Ивановича, Иван Илич, сам атаман Семикаракорской станицы. Стоит, касаясь седой чубатой головой до самого потолка, а белые, офицерские погоны горят на весь зал. Должно быть, выпивши, потому что уже слишком басит и без того страшенный его бас. Не песни играет Иван Илич, а командует войсками на поле (Отец мне говорил про него, что где-то, однажды он заиграл какую-то песню, так лампа — пух-пух, да и потухла, — знать голосина. Дело было с заспором на четверть водки).

— Погиб черкес, погиб аул (в первый раз я услыхал тогда и о черкесе, и об ауле).

— Погибли ратные доспехи, — ревет Иван Илич, „грозя очами“ и пожирая ими и „служивых“ и родню.

А Иван Иванович с Алдокимом (тоже были песенники на весь хутор), лихо хватая на „подголосок“, — под него:

— Мой лук тугой и конь крылатый.
Один, один остался я...

Старье, казаки, бабы и детвора, ломая крыльца куреня, душатся в окнах.

— Кипит душа старика, — говорят старики, суя головы в кружки окон.

— Разошелся атаман, — говорят казаки.

— Играет отцовское сердце, — поддакивают бабы.

— Вот басяка, — слышится в детворе...

— Ни раз, ни два в боях случалось,
Когда за мной гнался донец...

Наступает, войдя в азарт, Иван Илич на „служивых“. А „служивые“, подкатываясь под Ивана Илича, подхватывают:

— Колол копьем — древка ломалась,
Стрелял — отскакивал свинец...
Где шашка острая моя,
Она далмацкого булата,
Насечка дивная из злата,
Клинок — чистейшая вода?
Где панцырь мой? — Казак отнял.
Мой панцырь стали вороненой,
Я думал он заговореный —
Ничей булат его не брал...

А родня, радуясь и печалясь, их внимательно слушала и то и дело смахивала слезы со своих раскрасневшихся лиц... Душившиеся в окнах ломали крыльца и выдавливали „кружки“, которые, падая, жалобно звенели.

Была красивая, но еще больше грустная разлука, от которой у меня носились в разные стороны колени, а трепещущее сердце готово было выпорхнуть и полететь куда-то далеко, далеко... Туда, куда провожают „служивых...“ Было грустно. Но, грусть моя была грусть приятная и гордая...

Не мало годов прошло с тех пор, когда провожали на „войну“ Ивана Ивановича и Алдокима. Не мало и „воды утекло“ с тех пор... А я и теперь, когда слышу эту песню, то всегда вспоминаю и хутор (даже „обычайку“), и проводы на „войну“ Ивана Ивановича и Алдокима, и давно уже покойника, „басяку“ Ивана Илича, бывшего двенадцать лет подряд славным станичным атаманом моей станицы.

— Кипит душа старика, — говорили старики-казаки.

— Играет отцовское сердце, — поддакивали бабы-казачки...

Маленький я был тогда. Мало еще понимал, а и то дрожали колени и трепетало сердце, глядя на отца-атамана, когда он играл эту песню. Понимал, что хотя отец-атаман и жалел сына и грустил за ним, но вместе с тем он им и гордился, провожая его на „войну...“

Еще песня...

Я не только подрос, а вырос. Мне шел тогда 22 год, и был я уже тогда учителем или, как называли в хуторе учителей, „ученым человеком...“

18 июля 1914 г. сидел я на лавочке в саду, под начавшими желтеть грушами. На поле не поехал (куда отец меня брал, совершенно не считаясь с моей „ученостью), ибо через день, 20 июля у нас должен был быть „Илья“ — престол и отец дал мне время „приготовиться“ к празднику и, самое главное, залечить мой нос, который от полевой жары так полупился, что стыдно было бы „ученому человеку“ с ним показаться на престольный базар, не приведя его в порядок (это, я думаю, только и заставило отца пожертвовать для меня двумя днями. Все-таки, как не говори, учитель, а полупленый...).

Сижу этак я, не битым, не мятым, в холодочке, да почитываю книжечку, покусывая вкусные груши. — Спасибо, думаю, что нос полупился, а то бы ни за что не вырвался с току...

Смотрю, между листьев мелькнуло что-то. Не то лента, не то платок, не то еще что. Не то, думаю, померещилось, не то в самом деле закраснелось что в суточках, и чтобы проверить самого себя скоро подбегаю к доскам, к забору.

По суточкам вижу спешит хуторской приказный, Терентий Кочконогов. В руке бережно держит небольшой красный флачек.

— Терентий Васильевич, что сие означает? — кричу в догон приказному.

— Война, — повернулся он. — Да с кем же? — С Астрией, — и, выйдя на улицу, скоро зашагал по направлению к церкви, то и дело останавливаемый растерявшимися бабами-домоседками.

— Война, война, бабы! кричал приказный по дворам, на обе стороны улицы. А бабы, испуганно глядя на развевавшийся на белой палочке красный флачек, так и замирали в тех позах, в каких их заставал приказный Терентий Кочконогов...

На следующий, 19 июля, день весь хутор, бросив полевые работы, уже был дома. А на Ильин день, как раз на самый престол, так всегда весело празднуемый не только хутором, а всей станицей, уже более половины казаков хутора, в военно-походной амуниции и при ратных доспехах, стояли, выстроившись, за хутором, на кургане, где поп смиренно служил „напутственный“ молебен, благословляя „служивых“ на „ратное дело...“

А когда окончился молебен, и когда батюшка сказал проповедь, подчеркнув, что самая „сладкая смерть“ это — смерть на „поле брани“, и что тот, кто удостоится „положить душу свою за друзи своя“, унаследует „вечное небесное царствие“, и когда стали прощаться, — тогда заплакали не только люди, а даже „строевые“ кони, которые давно уже стояли, печально понурив свои лошадиные головы. Да и не только кони плакали, а даже ревом ревел сам курган, прощаясь с полухутором нередких своих веселых посетителей...

Утирают свои горькие слезы и Афанасий и Петро Пенькевы (собственно, по книгам они Паршины, но их больше зовут Пенькевыми — по „уличному“), два родных брата, садясь на своих строевых коней. А когда сели, обхватили руками шеи друг другу, да так и замерли, вместе с занемевшими на месте конями. А глядя на братьев Пенькевых, занемел и сам курган, и все, что было на кургане... Впились братья Пенькевы один в одного, а люди, присмиревшие, как бы от нечаянного громового удара, все стоят да смотрят на них. Опустив крест и смиренно сложив на груди руки, молча, смотрит на застывших братьев Пенькевых и батюшка. А сам Пенек, отец Афанасия и Петра, как поднял рюмку с водкой, так и повесил ее в воздухе, не донеся до рта.

Держит и смотрит мутными, стеклянными глазами на своих детей и... тоже молчит. Ну, прямо, как окаменел...

Расплелись, наконец, руки братьев Пенькевых и, набрав в свои задушенные груди здорового, свежего воздуха, они, отвесив с седел новыми фуражками низкий поклон кургану, лихо (хватило же духу!) попрощались. — Прощайте, родные! Не поминайте лихом!

И, толкнув коней, забыв про строй, тихо поехали...

— Поехал, поехал казак во чужбину далеку
На добром своем он коне вороном, —

завел Афанасий, а потом, слившись с Петром, заиграли вместе:

— Вот и то покинул он свою Краину,
Вот и то не взвернуться ему в отеческий дом...

Играли протяжно, по-казачьему. Играли с казачьей удалью и лихостью, играли с тоской и невыразимой печалью, а окаменевший курган их больно слушал... А когда Афанасий и Петро доехали шагом, играя эту песню, до спуска с горы, они, остановившись, еще раз низко поклонились, глядя на хутор. А потом, толкнув коней и покрепче к ним прижавшись, лихо поскакали вниз, под гору. Братья Пенькевы скакали, скрывшись в пыли, а темная пыльная туча за ними все удлинялась и удлинялась...

Это была еще песня, которую братья Пенькевы навсегда загвоздили в мою душу.

Так памятен остался мне Ильин день 1914 года...

Памятен не только мне, а всему хутору да и не только хутору, а всему бывшему до этого дня мирному Тихому Дону...

С этого, „престольного“ дня и моя жизнь, и жизнь хутора, и жизнь самого Тихого Дона действительно „всколыхнулась“. И так „всколыхнулась“, что аж перевернулась „кверх дном“, перевернулась с той самой хуторской горы, с какой поскакали и лихо, и тоскливо, братья Пенькевы. С этого дня, в хуторе, действительно, был „забыт шум лагерный, товарищи и братья...“

Печально прошел престол. Никто из „ученых“ не ходил по церковной площади в „проходку“ „под ручку с симпатией“, ни один пьяный казак не подрался в пивных палатках, ни один малыш не купил себе „пистолета“ или „свистюльки“, ни одна хуторская девка не „ночевала“ с приезжим к престолу с другого хутора парнем, ни одного „фаньшона“*) ни одна молодайка не купила у выстроившихся так заманчиво по церковной площади армян с своими будками. Ничего не подработали в этот всегда доходный день и старцы. Напрасно и калеки и слепцы раздирались, вопя „благим матом“ у церковной ограды. — Мало, совсем мало нашли они в своих запыленных деревянных ставцах, которые они тщетно протягивали к обезкураженному хутору, ибо весь хутор был не в церкви, а там, на „выгоне“, на кургане... К обеду уже не было ни одной лавочки на базаре. Только и осталось — редкий лошадиный помет, сиротливые клочки бумаги, катаемые ветром по пустой площади, да немногочисленная детвора, собравшаяся „крутить коники“. Невеселый был хозяин „коников“ — видел он, что „кататься“ будет некому. Напрасно „забился...“

Не думал я тогда, что с этого Ильина дня так надолго „всколыхнется“, так надолго перевернется „кверх дном“ мой хутор. Думал, как и все думали тогда, что самое много месяца на три... И до смерти бы загрыз того смельчака, который осмелился бы сказать мне, что не на месяцы, а на годы, на долгие, долгие годы (а быть может и на всю мою жизнь) я расстаюсь с родным мне хутором... Грешник... Уверен был, сходя с побитого до пыли кургана, что самое позже, весной, когда он обзеленится свежими, сочными кустиками шпарыша, на нем, всегда шумном и веселом „хуторском майдане“, снова соберется „улица“, и снова зазвенят с него протяжные напевы родных, хуторских песен, так мне понятных и так милых. Думал, что следующей же весной с него снова польется казачья, могучая, вольная песня, а хутор, утопая в сплошной зелени, будет ее весело слушать. Так думал я. И... как же крепко я ошибся... (*Окончание следует*).

*) Фаньшон — головной убор казачек.

Дон-Араши.

Наши песни нашим детям.

(Калмыцкой группе окончивших и оканчивающих Пражскую реальную гимназию).

За 10-летие разобщенности с Родиной многие забыли наши старинные песни, а молодежь, выросшая заграницей, и вовсе не слыхала их. А между тем, кто хочет познать душевный мир, горе, радости какого бы то ни было народа, пусть прислушается к его песням. Только в них можно, с известным приближением, понять мир чувств данного народа.

При переводе на русский язык ниже помещенных песен, мной поставлены две задачи: во-первых, сохранить смысл и, во-вторых, соблюсти по возможности внешнюю форму.

Наши песни разделяются резко на 2 группы:

1) песни старинные — „уту дун“ — тягучие, заунывные и 2) новейшие, более живые — „ахар дун“. Из песен первой группы дошли до нас песни с 16 ст., хотя, к сожалению, не все в полном виде, иногда даже в виде отрывков.

Песня „Алта дэрень гархини“ относится ко времени нашего пребывания в Зюнгарии — нашей древней родине. В ней поется:

„Как ни прекрасен мир
С высот Алтая,
Я не могу забыть*)
Ни в одном своем рождении
Мать и отца, баловавших,
Взростивших меня.
Слышу ли песню жаворонка
С высот кургана,

*) Вера в перерождение души.

Не могу я забыть
Когда бы то ни было
Ласки матери и отца,
Взростивших меня.
Слышу ли крики диких
Птиц, стоя над „зэл“ *)
Не могу я забыть,
Ни в каком своем рождении
Мать и отца,
Вскормивших меня.
Выйду-ли в широкое поле,
Слышу пение „синих птиц“ —
Забуду-ли когда-нибудь
Мать мою родную,
Грудью вскормившую меня.
Поднимусь ли на вершины гор
Слышу крики горных орлов,
Не могу я забыть Вас,
Моя мать, проливая слезы,
Взростившая меня“.

Эта песня поется при торжественных, как печальных так и радостных событиях. Так, провожая новобранцев на военную службу, при общем волнении и под'еме настроения, угощая от'езжающих, становятся плечом к плечу молодки в стыдливо-скромные позы и, слегка закрывая одной рукой свои лица, стараясь попасть в унисон, затягивают „Алта дэрень гархини“. А молодой виночерпий под пение подносит одной рукой напитки, становясь на левое колено, другой рукой вытирая пот и слезы. Добродетелью преисполненные молодцы принимают напиток правой рукой, потом переносят в левую руку, чтобы правой рукой сделать жест, заменяющий всякие благопожелания. Потом, слегка коснувшись губами, поднимаются в свою очередь и, почтительно становясь на левое колено перед кем-нибудь из уважаемых и любимых старших, подносит свою долю (сӗнг), желая услышать от него нравоучения и благопожелание.

Тут какой-нубудь „ава“ (дед) делает знак молодайкам замолчать и, при наступившей тишине, произносит какое-либо нравоучение и благопожелание, употребляемое в таких случаях, например: „ну, дети мои, служите верно, будьте смирны перед начальством, не забывайте веру отцов, молитесь, помните свой род и калмыцкий народ, слабых среди вас поддержите, сильным помогите прославить калмыцкое имя“... и т. д.

Бывали старики, которые сыпали нравоучениями и благопожеланиями до того утонченно-художественными, что их заслушивались, выучивали наизусть, чтобы впоследствии и самим блеснуть в нужном случае. По окончании благопожелания „ава“ слегка макает безымянным пальцем правой руки и трижды брызгает вверх (воздаяние небесам) и, выпивая, оставляет немного, чтобы молодой человек выпил остаток и тем самым вобрал в себя сказанное со словами „да исполнится сказанное“...

Перехожу к другим песням.

Приезжает издалека какой-нибудь родственник, мать которого или даже бабушка была из данного рода. Такой родственник называется „зэ“, а все относящиеся к роду матери и бабушки — „нагцанар“. Такая родня считается самой трогательной, нежной и близкой. По патриархальным традициям к своему „зэ“ относятся настолько любовно, предупредительно, что ему не дозволяется касаться разливной ложки — ему должны все подносить.

При приезде „зэ“ серьезной, подходящей песней считается „Заглма Боро“ (Серый, (конь), цвета кобчика). Этапесня имеет свою историю и относится к концу 17 ст.

Одна из дочерей Хана Аюки, по имени Сетер-Джаб была выдана замуж за Зюнгарского хун-тайши Галдан-Церен, от которого имела дочерей и сына Лоузанг-Шуну. У Галдан-Церена был от первой жены старший сын Цевен-Рабтан, который не возлюбил младшего брата от мачехи. Преследования дошли до того, что Лоузанг-Шуну принужден был бежать к родным своей матери „нагцанар“ — к волжским калмыкам. Про это бегство и сложена песня „Заглма-Боро“:

На горе, вечным снегом покрытой,
Белый лев резвится.
Лоузанг-Шуну, на гибель обреченный,
К „нагцанар“, данным судьбой, мчится.
Серый конь его пуле подобен,
Не дрогнет его сердце
При встрече с врагом,
Лоузанг-Шуну, добродетелью
преисполненный,
К „нагцанар“, данным судьбой, мчится.
Бешмет его, — цвета сандалового дерева,
Конь его — способен за Соколом взвиться,
Лоузанг-Шуну, на гибель обреченный,
К “нагцанар“, данным судьбой, мчится“.

Если приехавший „зэ“ потерял мать, или потерпел еще какое-нибудь горе, то сочувствие и угощение усиливается и песня Заглма-Боро поется со слезами и с таким чувством, перед которым способно растаять не одно черствое сердце и биться в унисон со всеми „нагцанар“ в незатейливой обстановке, но полной внутреннего тепла, света и безкорыстной любви...

———

В те времена, когда отдавали девушек замуж Бог знает в какую даль и она годами не видела своих родных и могла о них лишь мечтать или петь, сложилась песня „Хара-Кэлэ-Тогрун“. В ней поется:

„В чужой, дальней стране
За отцом, матерью тоскую.
Ранней, ранней весной
Крики журавлинные слышу.
Точно жаворонок звенит
Набор многочисленный,
Точно мираж удаляется
Мать шестидесятилетняя.
Покровы кибитки развивающиеся
Арканом затянули,
Сердце мое волнующееся
Табаком турецким успокаиваю.
Кожу „хадганты“ соскаблила,
С трудом ее выделала,
Но неужели своего вороного пожалели,
В чужой стороне не навестили?“

Под тягучий, монотонный и грустный напев этой песни невеста рыдает вместе с подруженьками, прощаясь со своим светлым детством и беззаботной юностью. Битком набитая кибитка, опьяневшие старики и старухи, рассевшиеся кто где попало, общий галдеж, унисонное пение под аккомпанимент рыдающих девушек, выкрики главарей сторон, что близится время увоза, а потому требования „мордхин моголцок“ — стремянную — вот что знаменует эта песня о Хара-Кэлэ-Тогрун.

(Окончание следует).

*) Натянутый между двух кольев аркан для привязывания телят и жеребят во время доения.

П. Нос.

Случайные встречи и разговоры.

(Из путевых заметек).

29 мая около часу ночи, поезд остановился на станции Кюстендил.

Взяв извозчика, я отправился в город и остановился в одной из гостинниц.

Рано утром пошел бродить по городу, с целью встретить кого либо из казаков.

Иду по городу, погрузившись в размышления и воспоминания.

Смотрю, навстречу мне идет человек. Невысокого росту. В сапогах. Слабый, но живой. Сразу видно, что он казак. Останавливаю его и спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста, Вы казак?

Да, говорит, казак.

— А какого войска будете, станичник?

— Донского.

— Ну, вот, видите, говорю ему, а я казак Кубанского войска. Вы куда же идете так рано, на работу?

— Да, я иду вот здесь недалеко, — и показывает пальцем. Там живет родственник моей жены. Хочу у него кое что взять...

Я сразу понял, что он тоже женат на болгарке и, смеясь, говорю ему:

— Так мы — свояки, значит. Он не сразу понял меня, а потом, когда разобрал в чем дело, мы еще раз пожали руки друг другу.

Вместо того, чтобы пойти ему по делу к родственнику, мы сворачиваем в сторону и заходим в небольшую сладкарницу, с полугрязными стенами и таким же потолком. С'ели по несколько паст, разговаривая на самые разнообразныя темы. Потом решили перейти в ресторан, где можно было бы позавтракать и выпить по стакану хорошего Кюстендильского вина.

Выпивши по стакану вина, закусывая, я его попросил, хотя вкратце рассказать мне про жизнь в Кюстендиле.

Первоначально он рассказывал о своей лично жизни. О том, как он женился, что он сейчас имеет лошадь и подводу и что это ему дает средства к жизни. Потом говорил о казаках вообще. Нас, казаков, говорит, здесь очень мало. Вот здесь живет недалеко кубанец Фоменко. Есть казаки, которые живут по селам. Знаю такого, тоже кубанец, подхорунжий Вернигора, живет в ближайшем селении, женат тоже на болгарке и занимается хозяйством.

У нас, говорит, никакой организации нет. Газет, кроме болгарских, никаких не читаем, ибо их и нет. Живем надеждами на лучшее, будущее, авось что и станет.

После его рассказа, я ему более обстоятельно обрисовал смысл казачьих организаций. Рассказал ему о тех организациях, которые существуют в Софии. Говорю ему, что в Софии есть разные казачьи организации. Есть монархическая, а он перебивая меня: „К черту эту организацию, это, говорит, не казаки, это продажные души". Есть Софийская казачья станица, говорю ему.

— Ну, вот это дело другое. Это чисто нашинская, казачья. А какая политика этой то станицы?

— Политика станицы такая, говорю ему. Станица об'единяет вокруг себя всех казаков, кто прежде всего считает себя казаком. В ней состоят членами и демократы, и вольные казаки и монархисты. Но руководствуется она законами своими, казачьими.

— А скажите, пожалуйста, что такое Вольное Казачество? Видите, я про него еще ничего и не слышал.

О появлении этой идеи я ему много говорил. Говорил почему появилося среди казаков такое течение, сказал, что борьба Вольного Казачества есть борьба за самоопределение Казачества.

Долго сидел, задумавшись, мой собеседник. Потом, подняв голову, гордо и уверенно сказал:

— С этого дня считайте и меня борцом за эту идею. Давайте, говорит, выпьем за Вольное Казачество и за Войсковых Атаманов. Пусть они будут истинными отцами вольного и свободного, об'единенного Казачества.

Того же дня, в час дня, я выехал обратно из Кюстендиля.

На обратном пути часов в пять я встал на станции Радомир, чтобы побывать и гор. Радомир. Прожив в нем одни сутки, я встретил двух казаков, от которых узнал, что там казаков живет всего пять, шесть человек. Все они преверженцы Краснова и не сегодня завтра думают десантом идти освобождать „единую неделимую".

В беседе с одним из таких казаков, он мне задает вопрос: Ну, мол, как у Вас там, насчет оружия? Как, мол, обстоит вопрос с лошадьми? Сразу ли сможете их достать? Ведь там у вас центр...

Не желая его обижать, я ему сказал: видите, я Вам скажу одно: я об этом ничего не знаю.

При расставании все же мы крепко пожали друг другу руки, сказав один другому, что прежде всего мы должны быть казаками...

31-V-1929 г.

Думы и мысли.

„Родимый Край".

(№№ 1 и 2).

Вышли №№ 1 и 2 казачьего журнала „Родимый Край", издаваемого в Париже „Казачьим Союзом" под редакцией Н. М. Мельникова, Председателя Донского Правительства.

Программа: экономика, быт, история казачества.

Ознакомившись по анонсу с многообещающей программой и задачами журнала, мы с большими надеждами ожидали его появления.

Казачья история так мало изучена; быт, экономика и социальные отношения почти не освещены; трагедия последних лет и жизнь казачества за границей не нашли себе достойного отражения в литературе.

Между тем, и героическая история казачества, его идея и жизнь во всех ее проявлениях столь оригинальны, что не могут не быть интересными не только для нас, казаков, не только в „общерусском" масштабе, но и с точки зрения общечеловеческой, как явление, нигде в мире не повторенное. Особенно богата содержанием героическая борьба казачества с большевиками.

Если кое что имеется в литературе о казачьих армиях, о деятельности их Правительств, Войсковых Кругов, то о главном действующем лице трагедии, главном ее герое — о казачьем народе, ничего не сказано.

„Родимый Край" поставил себе задачей освещение истории, быта и экономики своей Родины. И мы вправе были ожидать, что к этой важной, благородной и благодарной задаче будет приступлено с надлежащей широтой, серьезностью и об'ективностью.

Возможности у издателя (Донское Правительство) для этой цели имеются. С одной стороны, наличие больших войсковых казачьих денежных средств; с другой — и Атаман Богаевский и его Председатель Правительства Мельников (фактический и оффициальный редактор) и целый ряд окружающих их лиц принимали на руководящих ролях решающее участие в пережитой и переживаемой трагедии. При желании, они могли бы рассказать и выяснить много такого, чего казачество до сих пор не знает, могли бы помочь казачеству понять, почему его героическая борьба, его максимальное напряжение не дало тех результатов, на которые было полное основание расчитывать.

К сожалению, журнал „Родимый Край" далеко не оправдал наших ожиданий.

Быт народа, его душа, его лицо полнее всего, лучше всего отражаются в художественных произведениях. Эта сторона в журнале представлена чрезвычайно слабо.

Ряд стихотворений носит совершенно детский характер, и все на один и тот же заезженный мотив — тоска по Родине. Атаманы, курганы, конь да шашка и прочие, всем известные, несложные атрибуты казачьего военного обихода. Вот темы которыми оперируют молодые поэты. К сожалению, это однообразие настроений и содержаний наблюдается во всей казачьей заграничной поэзии. Чувствуется, что поэтов вдохновляет не настоящая реальная жизнь во всем ее многообразии, а какой то придуманный шаблон, что авторы реальной казачьей жизни не знают и поэтому, как белка в колесе, принуждены вертеться среди упрощенных шаблонных представлений о своем народе.

Досадное чувство вызывает слабая техника и потуги создать новую форму, потуги, навязанные г. г. Маяковскими и прочими фиглярами советской литературы.

Столь же нерадостное впечатление производят и немногочисленные рассказы, помещенные в №№ 1 и 2 журнала. Читая их, трудно отрешиться от впечатления деланности, сочиненности и незнания быта.

Например, Скальдов в рассказе „С Песней“ преподносит читателю совершенно неожиданную картину. В великопостную пятницу на хутор заходит бродячий музыкант и своей игрой на гармонике соблазняет почтенных стариков хуторян настолько, что заставляет их, забыв про дела, про великий пост, танцевать до изнеможения.

Всякий, знавший казачью дореволюционную среду, отлично поймет, что такое явление психологически невозможно. Следовательно, картина, нарисованная автором, невероятна, т. е. художественно неправдива.

Заключение рассказа, где увлеченная музыкантом Пелагея, оставшись одна, тоскует по какой то другой жизни, „скрытой за туманной далью“ — напоминает литературные произведения с героинями из старо-дворянской или интеллигентской России и к станичной казачьей бабе столь же неприложимо, как модная парижская шляпа.

Мы не можем не обратить внимания на язык, которым говорят в казачьих рассказах действующие лица — язык деревянный, нарочито исковерканый, какого, конечно, никто не слышал в казачьих хуторах и станицах.

Читая эти quasi-казачьи бытовые рассказы, можно подумать, что речь идет о людях-троглодитах, а не о народе, достаточно культурном, развитом, с живым умом и большими способностями.

На Родине, слушая казачьи разговоры при всех проявлениях жизни — на пароме, в поле, на улице, в карагоде, на сборе, — мы всегда удивлялись необыкновенной гибкости казачьей речи, ее художественной образности и точности и, главным образом, удивительному остроумию и меткости в репликах.

В произведениях наших казачьих авторов эта живая струя из языка из'ята, и получается нечто дикое.

Возьмите картинки г. К. в „Прозвищах Станиц“. Что это за язык? — Дык, господин Атаман, дык все одно никто не приехал. — Очевидно в это „дык“ автор включает всю характерность языка и всю соль рисуемой картинки. И так далее, все в том же духе.

Правду сказать, литература вроде этих „Прозвищ“ оказывает плохую услугу казакам.

Читатель видит перед собой каких то полудикарей, а не настоящих казаков. Нельзя конечно, прикрашивать правду во имя хотя бы и патриотических соображений, но нельзя же и извращать ее в другую сторону, рисуя карикатуры на родную действительность. Надо помнить, что читать будут не только казаки, а и иные люди. И к диким сказкам о казаках прибавятся новые темные штрихи по милости медвежьих услуг самих же казаков в лице их литераторов.

В краткой заметке не место подробно развивать этот вопрос, но мы не можем не посоветовать нашим литераторам (особенно молодым!) — избегать злоупотребления простонародным языком. От его протокольного воспроизведения художественные вещи только проигрывают.

Великие мастера слова всегда были осторожны в этом отношении. Возьмите Гоголя, возьмите Тургенева с его чудеснейшими „Записками охотника“. Для воспроизведения душевных движений, для вырисовки картин они прибегали к другим методам, без этих „дык“ и т. п.

Вообще же только очень большой художник может позволить себе роскошь использования народной речи и то потому, что у него в высокой степени развито чувство меры, не говоря уже о высоте техники.

Экономика в „Родимом Крае“ представлена двумя маленькими, мимоходом брошенными статейками г. Маркова.

А „История“ в I-й книге ограничена заметкой г. Ефремова о даче его предков. Для блестящей истории казачества, это как будто маловато.

Во втором номере начались печатаньем „Очерки по истории Дона“ Короченцева. Судить о них сейчас еще рано, но видно, что это будет пересказ своими словами того, что много раз писано и всем давно известно.

Большая часть журнала посвящена юбилею генерала Богаевского по случаю исполнившегося десятилетия его деятельности на посту Донского Атамана. Эта часть сплошной панегирик юбиляру.

Так как редактор, г. Мельников, является председателем Донского Правительства и, таким образом, alter ego Атамана, то можно, не погрешая против истины, сказать, что панегирик издателями сочинен и направлен по своему собственному адресу.

Это „похвальное слово самим себе“ занимает в №№ 1 ни более, ни менее как 42 страницы книжки и продолжается в номере втором 42 страницы из 90, т. е. почти половина номера.

Ни дома, ни за границей мы не встречали никогда подобного явления, чтобы издатели посвящали половину книжки месячного журнала самовосхвалению.

Правда, почти одновременно, в Милюковских „Последних Новостях“ тоже в гомерических дозах воскурился фимиам г. Милюкову — юбиляру, но все же в пропорции значительно меньшей.

Чем вызвано такое удивительное и курьезное явление?

С одной стороны, конечно, соблазнительно быть поставленному на пьедестал, в первые ряды крупных людей эпохи. И так как пьедестал воздвигается при жизни очень редко — на нашей памяти это сделано только для маршала Фоша, — а охота смертная, то почему же самим для себя не воздвигнуть этот пьедестал? Дожидайся, когда похвалят другие — взял и похвалил себя сам. Дело проще.

Но, есть и другие причины такого явления. Когда читаешь „Похвальное Слово“ г. Мельникова, то чувствуешь, что авторы хотят в чем то оправдаться, кого то обвинить и укрепить свое положение. Чувствуешь за этими строками тревогу, чувствуешь, что на ком то „шапка горит“.

Не даром же во многих местах „Слова“ (не смешивать со „Словом о полку Игореве“ (делаются выпады против тех, кто „хочет спекулировать на незаконном присвоении ген. Богаевским звания Атамана“, против тех „кто строит тайные и явные козни против него“.

Редакция „Род. Кр.“ поставила себе целью защищать казачьи традиции и казачьи конституции. А, между прочим, в подкрепление позиции ген. Богаевского, как Атамана, не считает нужным сослаться на Донскую Конституцию и ни одним словом на протяжении сорока двух страниц не обмолвилась по поводу этого источника всех прав Атамана и Правительства. Вместо того, средства укрепления своей позиции редакция ищет в юбилейных поздравлениях небольшой части донского казачества и тех российских людей, которые пили чару за юбилейным столом генерала Богаевского.

Особое значение придается, ибо это подчеркнуто неоднократно, излиянию чувств со стороны некоторых членов Войскового Круга. Но таких членов Круга оказалось с десяток и как раз тех, что близко стояли или стоят к юбиляру и делили или делят с ним казачью долю...

Ни для кого не секрет, как пишутся эти поздравления — особенно от групп. Ни для кого не секрет, что есть люди, которые в силу уж такой натуры не могут, как говорит Гоголь, не забежать наперед к богатому и сильному и не поклониться ему. Есть и такие, что не могут жить без фетиша — хоть ложный бог, хоть вытесанный из дерева, но все же бог...

И посему все эти слащавые письма и постановления нисколько не убедительны и не доказательны. Во всяком разе, значения плебисцита, какое им хотят придать хозяева „Родимого Края“, иметь не могут.

Сильнее было бы и убедительнее привести для „посрамления своих врагов“ соответственные статьи Донской Конституции. И дело в ясности бы выиграло и

сорок две страницы №. 1 были бы с'экономлены для более ценного материала.

Во всяком случае, мы не можем не отметить наличия юмора у Н. М. Мельникова, который ярко сказался в той части его „Похвального Слова", где он заносит в актив ген. Богаевского его особо блестящие подвиги, а именно:

2. — Вскоре после избрания в Донские Атаманы, ген. Богаевский заболел тифом. 3. — Поездка на Кубань. 6. — Праздник освобождения от красных. 7. — Об'езд станиц и фронта. 11. — Оставление Новочеркасска. 12. — Оставление Екатеринодара. 17. — Оставление Новороссийска. 23. — Оставление Крыма.

Таких пунктов тридцать восемь. Расходилась, расписалась рука у Н. М. Мельникова — широкая „русская" натура: Эх, тройки, вихорь — тройки! Но, уж если мчаться, так мчаться до конца. И в порядке последовательности необходимо было бы продолжить этот список, а именно:

39. — Оставление Константинополя. 40. — Оставление Софии. 41. — Оставление Белграда.

Много в этом списке курьезов. Во всяком разе, его можно прекрасно использовать, как готовую схему, для будущей биографии ген. Богаевского.

Отметим, между прочим, пункт 31, где говорится о попытке созыва Донского Войскового Круга в Месемврии. Смеем уверить, что никакой попытки созыва Круга не было. Была попытка и даже несколько попыток развалить и уничтожить Войсковой Круг и эта попытка, с помощью В. А. Харламова, увенчалась блестящим успехом.

Вообще нужно отметить, что журнал „Родимый Край" производит впечатление издания для детей младшего возраста.

Сидит себе, благодушествуя, редактор его Н. М. Мельников и, после сытого обеда для пищеварения рассказывает деткам душеспасительные сказочки.

Добрый Дядя.

По поводу брошюры г. А. фон-Лампе „Причины неудачи вооруженного выступления белых".

Ознакомившись с брошюрою г. А. фон-Лампе „Причины неудачи вооруженного выступления белых", меня, тоже фактического участника движения этого на Юге России и бывшего к тому же все время в частях укомплектованных казаками и собственной кровью спаянного с ними, удивило немного полное умолчание автором о роли казаков в борьбе этой. Я готов отнести это к тому обстоятельству, что, быть может, автору не приходилось или очень мало приходилось соприкасаться с казаками... Пройти же мимо, обойти факт этот молчанием мне кажется нельзя.

Бессмертный казак Корнилов знал и понимал, почему стремился он в казачьи степи: только там мог он найти опору и сочуствие. И не ошибся — нашел его: почти 75% Добровольческой Армии Юга России дали казачьи области! — Население Дона и Кубани в начале борьбы более, чем сочувственно относилося к нам, добровольцам, давало нам приют, охотно кормило нас и пополняло своею молодежью ряды наши. Если же потом казачья масса круто изменила линию поведения своего, то причины всего этого искать надо не в казаках, а в тех промахах и ошибках, что допущены были Высшим Командованием.

Безрассудно было в самый разгар борьбы с красными, когда вся казачья масса всколыхнулася и жертвенно стала на борьбу, самодержавно посягать на казачьи свободы, сменять непонравившихся Высшему Ком. Атаманов, вешать и безнаказанно допускать убийство представителей казачьей Рады и т. п. Все это вместе взятое не могло не оттолкнуть казачьей массы от такой власти, со стороны которой она ясно видела посягательства на права свои. —

А раз подорвана вера в чистоту „Белой идеи", то нечему и удивляться, что в казачьей массе сразу угас весь энтузиазм воинственности и казаки стали покидать фронт и уходить по домам. — Припоминаю, что мне будучи осенью 1919 года с частью своею на Черноярском направлении (Волга) печаловался один молодой к-р пластунского кубанского б-на, что каждую ночь уходят с позиции по домал по 30-40 казаков: „не хотят воевать после убийства Рябовола"!

Красная пропаганда сугубо, конечно, использовала все эти промахи Добровольческого командования, тем более, что наш знаменитый „Освaг", что мог противопоставить умелой пропаганде красных? Две-три размалеванных карты Добровольческого фронта в витрине какого-либо из магазинов г. Ростова или Екатеринодара или карикатуру на... Милюкова?

Краткая заметка моя далека от мысли умалить достоинства брошюры г. А. фон-Лампе, прочесть которую всякому рекомендую, но я, лично к числу причин неудач наших на Юге России отношу также и те промахи, что совершила Добровольческая власть по отношению к казакам.

Были еще и другие, по моему, но менее маловажные причины неудач. Так, хотя бы умаление прав старых боевых офицеров тем, что начальниками над ними вдруг назначался какой-нибудь вчера вылупившийся птенец, чем в корне подрывалась вековая дисциплина наша, основанная на чинопочитании: произведи такого „наполеона" в генералы, тогда и ставь его начальником или придерживайся обычая в красной армии не надевай погон... хотя относительно наград и тут был прав Корнилов — „во время братоубийственных войн никаких наград не полагается" ...

Е.

Международная жизнь.

Десятилетний юбилей Румынии.

20 мая с. г. Румыния отпраздновала десятилетие своего национального об'единения.

Местом национального румынского празднества был избран (в силу исторических мотивов) гор. Алба-Юлия (в Трансильвании).

Этот город румыны считают священным, своей „Меккой" и в этот город ко дню празднеств собралось более 400 тысяч человек, чтобы принять участие в радостных для каждого румына торжествах страны.

Каждый народ хранит и помнит свою историю. Хранят и не забывают ее и румыны. Знают они, что еще в 1599 г., разгромив турок, победоносно входил в Алба-Юлию их славный домнитор Михай Витязул, которому только на „одно мгновение" (рум. выражение) удалось тогда осуществить об'единение всех дакоримлян (румыны произошли от смешения этих двух племен).

Три века слишком румыны, давимые сильными державами, упорно ждали осуществления своей заветной мечты — об'единения всех румын в одну семью, в одно свое, румынское государство и вот, веря и надеясь на свою правду и самих себя, они дождались этого радостного дня. Радостный и желанный день этот был — днем 1-го декабря 1918 г. Тогда румынская армия под непосредственным управлением своего короля Фердинанда I (умершего два года назад), изгнав австро-венгерскую армию, заняла Трансильванию (в которой большая половина населения были румыны) и удержала ее за собой.

На юбилейном празднестве в Алба-Юлии присутствовали делегации всех европейских стран (за исключением СССР).

Исключительный интерес румынских национальных празднеств в Алба-Юлии заслуживает ряженое дефилирование „даков" и „римлян". „Даки" дефилировали со своими бывшими тогда знаменами драконов. Впереди „даков" ехал на белом коне их всесильный король

Децебал. Все были так удачно костюмированы и загримированы, что прохождение было поистине „датским". После „даков" шли „римляны" со своим знаменитым императором Траяном, затем конные римские легионеры и „смешанный" „дако-римлянский народ".

После этого, наиболее старого периода румынской истории, дефилировал период основания румынских отдельных княжеств. Из этого периода особенный интерес имел румынский домнитор (князь) Негру-Вода, который, кроме его войск, был сопутствован стадом овец с чебаном и собаками (как эмблема бывшей в тот период жизни румын, притиснутых к горам и занимавшихся в них овцеводством).

Так перед глазами румынского народа, претерпевшего в своей нелегкой жизни немало горестных ударов судьбы, прошло зачатие и постепенное развитие его теперешнего настоящего.

Этот славный день Алба-Юлии, день, в который трансильванские румыны влились в свою общую, родную, румынскую семью, увековечен румынами на экране.

Так народы, дорожащие своей историей и своим национальным я, берегут и хранят свою историю, ибо в ней они черпают силы для своего будущего.

Вот почему, когда в Австро-Венгрии пала династия царей и начался большевизм, то трансильванские румыны не пошли спасать ни павших царей, ни большевиков (не пошли искать „в чужом пиру похмелья"), а сразу же проявили свой национализм, прилепившись к своей родине — Румынии.

Не похожа ли история трансильванских румын на нашу, Казачью? И не следовало бы и нам, вместо „спасения России", спасать наше собственное, национальное Казачье я?..

В. П.

Окончание репарационной конференции.

Тянувшаяся 17 недель конференция экспертов по репарационному вопросу закончена. В торжественной обстановке состоялось подписание рапорта конференции, который будет передан участниками конференции своим правительствам. Будучи написан на 100 страницах, рапорт этот содержит описание хода конференции, предпосылки происходивших на ней прений и обзор тех мероприятий, какие предлагает конференция заинтересованным правительствам для решения репарационного вопроса. В связи с тем, что автором наиболее существенных моментов в тексте решения репарационного вопроса является американский представитель Юнг, весь намеченный план получил в политических кругах название „системы Юнга".

При сравнении этой „системы Юнга" с остающимся до сих пор в силе планом Дависа в глаза бросаются следующих 3 новшества: 1) Установление точной и окончательной суммы долга Германии, 2) почти полное упразднение союзного контроля над народным хозяйством Германии, 3) организация специального международного банка для облегчения техники уплаты долга.

В основе плана Дависа лежала мысль, что Германия должна заплатить столько, сколько сможет, — не больше, но и не меньше этого. В условиях того времени, когда творился Давесов план, более точная формулировка требований союзников была затруднительна. Восстановление послевоенной экономической жизни позволяет теперь перейти и к цифрам окончательным. В этом заинтересована и сама Германия, для которой нужно внести в план своего народного хозяйства известную определенность и калькуляцию, и союзники, также заинтересованные в разряжении политической атмосферы.

Как мы уже информировали читателя, установление окончательной суммы долга было наиболее твердо раскусимым орешком для конференции. Согласно найденному решению долг Германии определен кругло в 36.885 милл. мар. (в своем меморандуме эксперты союзников требовали 39 миллиардов; в случае если бы остался в силе план Дависа они получили бы около 42 миллиардов).

Уступка союзников в смысле уничтожения контроля, отказа от всяких залог, зарук и уничтожение должности агента по репарациям, мотивируется в рапорте обещанием Германии честно исполнить свои обязательства перед союзниками и выплатить весь долг. Принятие правительствами этого решения конференции было бы очень чревато политическими последствиями, т. к. дало бы Германии повод требовать и очистки оккупированной союзниками территории.

Третий вопрос, идея организации международного „репарационного" банка является уже подлинно новшеством в истории международной политики. Банк должен быть организацией неполитической. Его ведение будет находиться в руках специальной комиссии, в которую ex officio должны войти директора центральных банков заинтересованных государств, по одному выборному представителю и 2 отдельных представителя от Франции и Германии. Банк этот будет располагать большим акционерным капиталом. Он будет принимать от Германии все ее платежи на погашение долга, распределять их между союзниками и посредничать в организации товарных поставок Германии, производить которые в счет погашения долга система Юнга разрешает еще в течении 10 лет. Прибыль от операций банка будет идти также на погашение немецкого долга. В последнем обстоятельстве кроется любопытная перспектива: т. к. полем деятельности банка будет являться весь мир и создавать его прибыли тем самым будут не только страны заинтересованные в репарационном вопросе, то следовательно погашать немецкий долг в тех, или иных размерах будут все страны (!).

Таковы основные моменты плана Юнга. Как всякое компромиссное решение он не удовлетворяет в полной мере никого. Французская пресса встретила его холодно. „Berliner Tageblatt" горюет над тем, что Германия лишь через 58 лет сбросит с себя бремя репараций. „Vossische Zeitung" уже теперь начинает мечтать о дне „когда союзники и особенно С. Штаты убедятся в необходимости ануллировать все военные долги". Т. к. все участники конференции действовали независимо от своих правительств, то непосредственного влияния на политическую жизнь решение конференции оказать не может. Однако, в конференции, как в фокусе, отразилась вся современная обстановка: смелые мечтания немцев (разговоры Др. Шахта о возвращении колоний!), разрозненность в действиях союзников, ориентировка на самое себя Америки и довольно все же твердая линия поведения Франции — обстановка далекая от того „мира и благодати", которого так тщетно ищет мир.

Казачья эмиграция.

„Тактика".

Собрание уполномоченных Общеказачьего С.-Х. Союза, происходившее в Праге 18 мая, определило исключительный по важности этап в жизни части казачьей эмиграции в Ч. С. Р., вернее в „тактике" г. г. Харламова, Сидорина, Васильева, Фальчикова. Мы говорим в Ч. С. Р. потому, что деятельность Союза вне ее свелась давно к нулю. Этот этап не менее важен того, на рубеже которого Союз был в 1923 г. в Болгарии, когда находившиеся там главные деятели его П. Дудаков, Булацель и др. стали на сменовеховский путь, в то время новый в эмиграции, а после просто перешли на службу к большевикам. Тогда, правда, Союзу удалось очиститься от сменовеховства и реорганизоваться в Праге. Но и после в Союзе было далеко неблагополучно. Обвинения в сменовеховстве б. командарма В. И. Сидорина, появившиеся в русской и чешской печати и до сих пор не опровергнутые, были одной из главных причин раскола в политической организации —

„Союз Возрождения Казачества“, — руководившей Общ. С. Х. Союзом. Разделение произошло на донцов, защищавших Сидорина по признаку донского патриотизма и на кубано-терскую группу, сохранившую за собою марку „С. В. К.“ и твердо принявшую руководство эсэров (Керенского).

Сущность борьбы заключалась в том, что одна группа, во главе которой стоял правоверный член кадетской (Милюковской) партии В. А. Харламов со своими единомышленниками (Сидорин, В. Т. Васильев и проч.) и другая, во главе которой стоял Фальчиков с единомышленниками: Аспидовым, Орлушиным („казаки при эсэрах“) — отражали нелады — склоку Милюкова и Керенского.

Господство, приобретенное в Союзе группой Харламова, овладение ею журналом „Казачий Путь“ (а после „Путь Казачества“, ныне благополучно скончавшегося), вызывала жестокую борьбу со стороны группы Фальчикова. Последняя нашла себе твердую материальную базу в недрах „Земгора“ у эсэров.

Такое разделение и борьба между указанными группами вполне соответствовала „тактике“ их политических патронов — Милюкова и Керенского, которые тогда на страницах своих газет „смертным боем“ бились друг с другом.

Борьба между эсэровской и эрдековской группами казаков была сплошным развращением рядовой казачьей массы, разочарованием и удушением в ней интереса и охоты к общественной работе. Перед каждым собранием каждая группа вербовала среди казаков себе сторонников, всячески ухаживала, давала заранее неосуществимые обещания, чтобы их голосами стать во главе Союза. Каждая из этой группы в своей борьбе руководилась не интересами Союза и входивших в него казаков, а директивами и указаниями эсэровской и кадетской партий.

Когда же тактика „угощения“ не приводила к желанному результату, тогда они применяли метод „матроса Железняка“. Так, напр., когда в 1927 г. ноябрьское Собрание Уполномоченных вынесло недоверие тогдашнему Правлению во главе с В. И. Сидориным, последний... „закрыл“ это Собрание. А эсэровская группа Фальчикова, Орлушина и Аспидова бегала с жалобой куда следует на „антиобщественную“, „антиморальную“ и „противозаконную“ работу Сидорина-Харламова-Васильева.

Но, времена меняются, меняются и люди. Ныне наверху Милюков и Керенский помирились, а внизу соответственно откликнулись. Как Милюков аукнет, так Харламов и откликнется. Ныне Милюков, примирившись с Керенским, в своей газете сочувственно пишет о „бедной курсистке“ Лилиной, жене Каменева, „не ведавшей что делает“, а здесь Харламов берет соответственный курс и берет под свою защиту сменовеховца.

В течение нескольких лет „смертным боем“ бившиеся друг с другом группы Харламова и Фальчикова, ныне, как тень следуя за своими патронами, „тесно“ об'единились и на последнем Собрании Уполномоченных дружно защищали сменовеховца Гребенникова М. Т., о своем примирении и приятии большевизма открыто и публично сказавшего в своей статье в сборнике — „Казачество“.

На этом Собрании группа Уполномоченных во главе с ученым агрономом, донским казаком А. А. Рышкиным и б. товарищем председателя Донского Круга и б. Членом Донского Правительства Б. Н. Улановым „по мотивам моральным и общественным не сочла для себя возможным совместно со сменовеховцем Гребенниковым участвовать на Собрании и впредь до решения по существу поднятого вопроса покинула заседание“. Оставшиеся „союзники“ Харламов, Аспидов, В. Т. Васильев и Сидорин горою стали на защиту Гребенникова и решили вместе с ним работать.

Естественно, что после этого группа Уполномоченных, подавшая заявление о моральной недопустимости совместно работать со сменовеховцем, в полном согласии со своим заявлением, не могла принять участие на Собрании и ушла.

Собрание оставшееся в составе 19 человек произвело всю работу и, самое пикантное, избрало 11-и членное Правление. Иначе могли подраться, п. ч. все хотели быть членами Правления

Таков предпоследний этап „тактики“ казачьих эсэров и эрдеков... Скоро, вероятно, увидим последний этап... Для подобного предположения есть некоторые симптомы. Нынешний Председатель Правления В. Т. Васильев в последнее время при встрече с казаками часто стал повторять, что все наши карты биты. А без веры, с пустой душой можно делать всяческую „тактику“.

Ш. Б.

Проводы казаков уехавших в Перу.

24 мая в Белград прибыл Кубанский Войсковой Атаман на проводы казаков, от'езжающих в Перу.

Еще накануне, все казаки собрались во главе с ген. Павличенко, окончательно закончив все хлопоты по сбору.

В одиннадцать часов дня, во дворе где помещается Кубанская Войсковая канцелярия, перед Войсковым образом Покрова Пресвятыя Богородицы, было отслужено напутственное молебствие. От'езжающие, все в формах, были выстроены в две шеренги, имея на правом фланге собственный духовой оркестр. Очень трогательно служил священник Беловидов, сам — кубанский казак. Он-же после молебствия произнес напутственное слово, призывая казаков крепко держаться родных обычаев и веры.

Кубанский В. Атаман обратился к казакам с речью, в которой указал, что во главе всех кубанцев от'езжающих, как из Югославии, так и из Франции им поставлен ген. Павличенко, которому Атаман поручает постоянную заботу о казаках. Казаков-же Атаман призвал держаться на чужбине казачьей семьи и казачьих традиций. В заключение Атаман благословил коленопреклоненных казаков иконой Божьей Матери и вручил им Кубанский Флаг.

Желая счастливой жизни на новых местах, до возвращения на Родную Кубань, а в случае, если пребывание за границей затянется, то обязанность казаков будет состоять, по мнению Атамана, в том, что бы заложить основание новому Кубанскому Войску.

Затем Терский В. Атаман, приветствовал казаков горячим словом.

Ген. Павличенко торжественно обещал не оставить казаков в беде, и все силы приложить к тому, что бы на новом месте казаки чувствовали себя, как на Родине.

Был зачитан приказ Кубанского В. Атамана.

В два часа дня казаки с семьями погрузились в поезд.

Многие плакали.

Когда поезд уже отошел и скрылся за станицей, огромная толпа провожающих еще долго оставалась на пероне.

Соб. кор.

Казаки, от'езжающие в Перу, прикладываются к В. Иконе. Направо — развернутый нац. куб. флаг.

Еще о проводах „перуанцев".

(Из письма.)

... Был я на проводах казаков в Америку. Когда Атаман благословлял их иконою, то многие плакали, заплакал и он, и я грешный, а когда Атаман давал казакам Кубанский флаг — сине-малиново-зеленый, установленный Радой и сказал: „дай Боже, что бы под этим флагом мы собрались на родной Кубани", я не выдержал и гукнув: пошли Боже! и если бы он был ближе ко мне, то расцеловал бы его за это...

Проехал я с этим эшелоном пол дороги; вел его ген. Павличенко и много там было Вольных Казаков. На одной станции вышли мы погулять с генералом, там к нам подошли три интеллигентных серба и начали расспрашивать про едущих в Америку и когда узнали, что если им действительно будет хорошо в Америке, то туда поедут все казаки, то один из них тяжело вздохнул и сказал: „наилучшие братья из России уедут от нас, а нам останется только...

Это взгляд на казаков серба, а хорваты вот как: хоронили у нас одного казака из дивизиона. Был весь гвардейский дивизион со своей музыкой; хлопцы шли за гробом в черкесках. Душа радовалась, глядя на них. Я стоял среди интеллигенции хорватской, а они говорили: „вот это люди, действительно люди", а девицы их говорили: „за один казачий поцелуй можно все отдать и умереть". Это говорят про казаков чужие люди; это говорят братья славяне, а что мы слышали от русских? И когда окинешь взглядом все это, когда обдумаешь казачью жизнь под московской властью, тоска берет и жалость, а глаза сами плачут. Нет, не могу я не любить тебя мой родной Край и тебя мое родное Войско. Не могу! Все уже я потерял — жену, детей родной Край, остался только кусок жизни и его я отдам за родной Край и Казачество.

От'езд в Америку сильно разворушил казачество, великая сила его поднимается ехать, а это показывает, что теряется надежда на возврат родного Края.

Тяжело...

В Брюсселе.

23-го мая в помещении Брюссельской Украинской Громады состоялся доклад Д. Ю. Андриевского на тему: „Украина и Дон в XVII веке". Ваш корреспондент получил специальное приглашение на этот доклад, оказавшийся очень интересным и живым. (Соб. кор.)

„Об'единение Вольного Казачества".

Надлежащими властями Чехословацкой республики утвержден устав новой неполитической организации „Об'единение Вольного Казачества", задачей которой, согласно § 2 устава является: организация эмигрантов Казачьих Земель, живущих в Чехословацкой Республике, на основах культурно-национальных; защита их прав и взаимопомощь.

Казаки джигиты.

Не так давно писалось на страницах журнала „В.К". о казаках джигитах есаула Сиволобова, но сейчас появилась и ново основанная группа джигитов, под командой казака — Ефима Ивановича Баева. Этот лихой джигит в прошлом году работал вместе с группой есаула Сиволобова, но в этом году решился поискать сам себе счастье, а Казачеству славу.

Организовал вначале малую группу, а потом по силе возможности желает ее расширить, как и всегда он говаривал „Бог не без милости — казак не без счастья".

После джигитовок по областям Баната, Бачке и Срема, выезжает в старую Сербию, а оттуда попробует побывать и в Болгарии, куда сейчас и хлопочет визы.

Славные казаки-кавказцы, не посрамите казачью славу, а мы вам пожелаем счастья в делах Ваших.

Слева направо: Ефим И. Баев, начальник группы, Александр Васильев, Григорий Супрунов и Георгий Ростовцев, все казаки кубанцы.

Орловат. **Г. А.**

Казаки джигиты Е. И. Баева.

Некрасивый поступок.

Казалось-бы уж где, где, а у тела усопшего на чужбине своего же брата эмигранта должны были бы умолкнуть всякие распри и счеты... Но... — Умер от неудачной операции (заражение крови) донской казак Исай Панчехин. — Дирекция фабрики „Титан" сочла нужным отдать последнюю дань своему бывшему рабочему — возложила на гроб венок. — Немцы-мастера, приглашенные из Германии, как инструктора по выделке кровельного железа, возложили — второй. — Мы, когда пришли в церковь для отпевания покойника и увидели у гроба его два венка эти, моментально тут же в церкви решили возложить венок и от нас, эмигрантов, разложив стоимость его на желающих в том участвовать. — Двое из молодых казаков из'явили лю-

безное желание отправиться за покупкою венка. — Привезли, возложили и, казалось-бы, и делу конец. — Так нет же!

Нашлось два человека, правда — оба не казаки, которые не только отказались участвовать от участия в разверстке денег за венок (и пришлось платить всего-то по 35 лей или 6-7 фр. фр.), но стали еще мутить и сбивать других — сбили даже казака Ч., стараясь оправдаться тем, что, мол: „нас не спрашивали“. Да ведь не созывать же митинга у раскрытой могилы...

Да, будет стыдно вам, господа. Одному из вас, ведь, помогал устроиться на хорошее место и покойный...

А. Б.

Победа Калмыцкого Нойона Тундутова.

Сын нашего покойного нойона Данзана Тундутова — Николай Тундутов недавно получил первую премию в конкурсе на звание лучшего ученика Парижских городских школ. В конкурсе участвовало 400 избранных учеников.

„Возрождение“ от 9 июня сообщает об этом, как о победе „русского“ князя. Исключительно в целях фактической поправки нахожу нужным сказать, что отец молодого князя был чистейшей крови калмык, наш нойон, был и умер буддистом, мать же — немка. Каким образом мог получиться отсюда „русский“, не понимаю. Если наш молодой нойон не видел и не знает калмыков, это не меняет дела, если он православный, то он все же — калмык.

Вообще удивительный народ эти русские: своих князей поуничтожили, а чужого присваивают.

Калмык.

Терский В. Атаман против вхождения казаков в „Обще-Воинский Союз“.

В „Кавказском Казаке“ от 1 сего июня напечатано следующее:

В последнее время поступают от некоторых казаков вопросы, следует ли им зачисляться в Обще-воинский Союз.

Терский Войсковой Атаман и Правительство, полагают, что так как кзачество уже по самой природе своей является военной организацией, исторически крепко спаянной казачьим самосознанием и принадлежностью к родному Войску, а к тому же давно имеет собственную организацию, то нет причин для вхождения его в новую организацию Обще-Воинского Союза.

В Братиславе.

16-го июня с. г. на дружеском собеседовании группы Вольных Казаков г. Братиславы, принципиально решен был вопрос об организации в Братиславе „Вольно-Казачьего Куреня имени Юрия Гончарова“.

В Казачьих Землях.

Письма с Дона.

I.

... Прости меня за долгое молчание, но на это были уважительные причины. Я попал в такую обстановку, в которой мне, при всем желании, не представлялось возможным писать о себе...

... Имей ввиду, что жить сейчас всему народу у нас очень тяжело; один под другим все копают ямы и сами в них попадают... Жизнь вообще изменилась до неузнаваемости. Люди стали хуже зверей, потеряли все человеческое и духовное чувство...

Крестьянству и казакам жить невозможно. Народ не знает куда деваться. Массы переселяются в дальние Края — Сибири и т. п. Все ищут, где бы можно было жить, но не находят.

Урожаи стали плохие. Крестьянство и казаки обнищало и ничего не видит впереди утешительного. Так что жизнь у нас очень плохая и мое тебе искреннее пожелание не приезжать сейчас сюда и даже не думай... Тебе б. м. только удастся взглянуть на своих родных и знакомых и тебя сейчас же стешут, как это было и с N. Он ведь давно здесь. По высшему суду его оправдали и он вернулся домой... Все как будто забыли, но вскоре его забрали и угнали неизвестно куда...

Вообще если бы ты приехал, то разочаровался бы быстро в нашей жизни. Ты хоть не видишь своими глазами и не слышишь всего... Насколько люди стали подлы и доверяться никому нельзя... Я же остался и останусь до гроба тем, кем был и раньше... В этом ни капли не сомневайся...

Больше писать не могу... Крепись, не вешай голову, будь бодр и не сдавайся духом...

Май, 1929. Известный тебе М.

II.

... Зима была очень холодная. Весна наступила тоже не теплая. Морозы стоят каждый день. Нет уже корма для скота. А тут еще каждый день приезжают уполномоченные по заготовке хлеба, а хлеба у нас нет... Учат нас сеять, но сами ничего не знают... Сеять будем десятины четыре...

У нас сейчас доброго сукна не найдешь, а коль найдешь, то дают только по книжкам и то за метр 11—15 рублей... Обуви в городах много, но не дешевая. Средние башмаки дамские стоят 12 руб. и дороже. Кожевенного товару очень мало, так что купить негде...

Я весь растрепан. Нервы все попорчены... А потому, что правильного течения жизни нет... Напишите можно ли на что нибудь надеяться, или нет? Апрель, 1929.

Из Екатеринодара.

... Ополчилась на нас природа — с 30-го апреля не было дождя; хлеб, трава и овощи гибнут окончательно; как бы не пришлось есть жмыхи, как в 20-х годах, да теперь едва ли и жмыхов хватит, запасов то ведь нет ни у кого. Хлеб уже дают по $^1/_2$ фунта, рабочему $1^1/_2$, а семье $^1/_2$., отчаянного цвета и вкуса; в частной продаже хлеба нет, были еще чуреки и франзольки, но и те исчезают, сегодня уже нигде не видела. Вот как хорошо, что я свой желудок приучила жить на пол фунта, еще не скоро оголодаю, до нового урожая дотяну, только бы вот на качестве не подвалиться, как в прошлом году в этот период было, пока новый хлеб не появился.

Портят нам пищу телесную, подгаживают и духовную; к Пасхе нам сюрприз устроили — в церквах и соборах обрезали провода от электрического освещения, внезапно, якобы не достает энергии для городского освещения, только мы не верим; сколько там ее надо было! Раз в неделю служат, да и то начинают в 5 часов всенощную и почти при дневном свете оканчивается; да и сколько у нас церквей то! — пустяки, просто нам, верующим, насолить хотят везде и всюду...

С Терека.

... Вот вы все посмеиваетесь надо мной, а как, например, посмотрите вы на такой случай: есть у нас квартирантка учительница; сама она самого чистого пролетарского происхождения — отец рабочий и сейчас еще служит на заводе; училась она здесь на медные гроши в учительской семинарии, способная была, а потом поехала доучиваться в институт, в Россию; не кончила, правда, и начала опять учительствовать. В 19-м году вышла замуж за учителя тоже, которому пришлось в 17-м году быть мобилизованным и получить чин прапорщика. В 20-м году его снова потребовали, да так о нем с тех пор ничего и не знает; оставил ее беременной, а сам или погиб, или бросил, а она теперь отвечать должна, за что — неизвестно.

Тепепь, при чистке, поставили ей в вину, что была замужем за офицером; бедняга убита совершенно, просит пересмотреть дело. Ей даже в вину поставлено, что училась в „семинарии“. Одна „умница“ из комиссии никак не могла уяснить себе „учительскую“, а все твердила „поповская“. Что выйдет, неизвестно. Не даром иронизируют у нас, что беда, если бабушка была влюблена в попа или купца, а уже не дай Бог офицер ей приглянулся, совсем пропащее дело для внучат...

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 144.